18+

ТАТЬЯНА ИВАНОВА

ЛЮБИТЬ ПО-ОСОБЕННОМУ

Татьяна Иванова

Любить по-особенному

«Издательские решения»

Иванова Т.

Любить по-особенному / Т. Иванова — «Издательские решения»,

Выжив в апокалипсисе, Александра попадает в Цитадель бессмертных, где смертных не считают за людей. Ей поручают перевести древнюю книгу, способную изменить войну с Тёмным, но она становится пешкой в политических играх и объектом похищений. Между ней и холодным Серафимом Сариэлем вспыхивает запретное чувство, хотя он кажется видящим в ней лишь инструмент. Александре предстоит узнать тайну своего рождения, пережить предательство и понять: любовь может стать и спасением, и смертельным приговором.

© Иванова Т.
© Издательские решения

Содержание

1 глава 6
2 глава 10
3 глава 14
4 глава 25
5 глава 35
6 глава 40
7 глава 44
8 глава 54
9 глава 61
10 глава 66
11 глава 70
12 глава 75
13 глава 79
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Любить по-особенному

Татьяна Иванова

Иванову Александру, моему погибшему брату и отцу, перед Богом.
Саша, я люблю тебя

Редактор Анна Силуянова
Дизайнер обложки Вера Купцова

© Татьяна Иванова, 2026
© Вера Купцова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5833-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Величественное здание, словно перенесённое из далекого века. Цитадель. Попасть сюда — всё равно что подписать себе смертный приговор.

Война смертных и бессмертных, бессмертных меж собой… Эта война длится столь долго, что никто не помнит её начала. Обе стороны жаждут победы, но чаша весов не склоняется ни в чью сторону. И вряд ли когда-нибудь склонится. Веками мы делили с ними землю, но смертные не ведали, что рядом с ними живут бессмертные. Мы предполагали, верили, молились им, но никогда не видели. Однако, когда грянула война, а за ней и апокалипсис — многое встало на свои места. Пережив этот ужас, мы столкнулись с ними вновь.

Сейчас бессмертные не трогают нас без лишней нужды. Мы пытаемся отстроить свой мир заново, но у нас ничего не получается. Словно та часть мироздания, что держала всё в балансе, бесследно исчезла. И теперь ни они, ни мы не можем жить спокойно. Наш единственный путь к спасению — Книга, в которой сокрыта истина: как спастись и как убить общего врага. Поговаривают, её когда-то написал сам Бог, но так ли это — никто не знает. Шептались и о Хранителе на небесах, что вершит добро и зло. Нам, смертным, не дано было об этом знать.

* * *

Меня зовут Александра. Я девушка, что жила в стенах храма и верила, что там же и останется. Ещё до войны это место можно было назвать сектой. Храм, расположенный под землёй. Свет здесь есть, и окна выходят на поверхность, но жизнь проходит в подземелье. Говорили, будто основатель его был безумцем, что бредил скорым концом света. Странно, но он оказался прав. Он и организовал эту секту. Поначалу люди приходили сами. Но когда многие пустили здесь корни и обзавелись семьями, новички стали редкостью. Тех же, кто пришёл последними, уже почти никто не помнит.

Я с братом попала сюда в очень раннем возрасте. Точно даже не скажу когда именно. Родителей я помню смутно, лицо отца совсем забылось. А мать… Наверное, она была бы рада, узнав, что мы оказались в этом храме, а не остались с ней.

С самого детства нас учили обрядам, танцам и всему, что может пригодиться в нашей жизни. Женщины здесь обязаны носить белые платья — символ чистоты, преданности и верности. Мужчины, в отличие от нас, могут надевать что угодно. У нас есть Главный хранитель. Мы зовём его Отцом. Странно? Возможно. Он наш владыка и потомок основателя секты. Да, я называю это сектой, потому что больше ни в чём не уверена настолько же твёрдо.

В пятнадцать лет мне удалось сбежать отсюда. Я увидела мир снаружи и натворила такого, о чём теперь жалею. Поняв, сколько ошибок совершила, я захотела вернуться. Но не смогла, ведь секта не принимает ушедших. Точнее, я сама не решилась переступить порог. В последний миг, когда до брата оставался один шаг, я отступила. Испугалась от незнания, что будет дальше, и бросилась обратно.

А затем началась война. Один из бессмертных решил заполучить себе все и, убив себе похожего, стал забирать силы других. В конце он обезумел настолько, что тьма поглотила его. Тогда и началась наша война — война людей с этими существами. Как я выжила — сама не помню. Вечная беготня, погони, бессмертные… Мне довелось пережить немало ужасов. А потом я нашла вторую часть. Случайно, по воле судьбы или по чьему-то умыслу — этого я не знаю. Звучит неправдоподобно. Вы можете счесть это очередной глупой байкой, но я правда не хотела её находить.

Книга была спрятана в заброшенном храме. Я укрывалась там от солдат. Спускаясь по лестнице, нажала на скрытый механизм, и он открыл потайную дверь. Я проскользнула внутрь.

Запасы еды, воды, всё для недолгого выживания. Будто кто-то готовился здесь прятаться. Я ждала хозяина, хотела расспросить обо всём, но он не вернулся. Перебирая книги на полке, я нажала на другой рычаг. Щёлкнул замок, и в стене открылась ещё одна дверь. В маленькой каменной комнате без окон лежала большая пыльная книга. Та самая вторая часть.

Я открыла её.

И все эти иероглифы, символы и знаки вдруг сложились в единое целое. Я читала, и каждое слово открывалось мне. Я понимала написанное, хотя сама не могла объяснить, каким образом. «Ну вот, — подумала я. — Сначала секта, потом конец света, а теперь и магическая грамота. Карьера явно идёт вверх. Скоро, глядишь, и единорогов за рога ловить буду.»

Но моя «радость» была недолгой.

В самый неподходящий момент вернулся хозяин. Дверь щёлкнула. Я не успела даже вздрогнуть, только прижала книгу к груди. Обернулась и увидела за спиной бессмертного.

Седые волосы до плеч, грозное выражение лица и огромные золотые крылья. На вид ему было лет пятьдесят, если не больше.

Увидев книгу в моих руках, он прошипел:

— Кто ты такая?

— Я просто укрывалась! — попыталась я объяснить. — Я не хотела…

— Кто ты, чёрт возьми?! Отдай книгу немедленно! — рявкнул он.

Именно в этот момент я поняла: книга — мой единственный шанс на спасение. Раз он ею так дорожит — стоит держать её при себе. Возможно, это даст мне преимущество. «Хотя, судя по его крыльям и выражению лица, преимуществом он, скорее, даст мне по шее, — мелькнула трезвая мысль. — Но рискнуть стоит.»

— Меня зовут Александра. Я не причиню вам вреда, я просто пыталась скрыться от заражённых, — внятно, насколько позволял страх, проговорила я.

Я сразу поняла, что передо мной ангел. Он сделал резкий выпад, а я отскочила назад. затем бессмертный протянул руку, пытаясь схватить меня за шею, но не успел. Видимо, страх творит чудеса: я присела, и его пальцы сомкнулись в воздухе. Взмахнув книгой, как дубиной, я ударила его по руке.

Пока он отступал, я метнулась в сторону, пытаясь найти что-нибудь тяжёлое или острое, чтобы оглушить этого мерзавца. «Нож, палка, тяжёлый том энциклопедии — что угодно! Желательно с надписью „Для чайников“ на обложке.»

— Послушай! — крикнула я, понимая, что угрожать книгой — моя единственная тактика.

Тут я заметила горящую свечу в подсвечнике. Я схватила её и поднесла огонь к переплёту.

— Если попробуете приблизиться — я сожгу её!

Ангел рассмеялся.

— Ну и что? Сожжёшь последнюю надежду человечества? Давай! Это вам надо, а не нам.

— Не ври! — резко перебила я его. — Я прекрасно знаю, что на небесах творится то же самое. Война началась давно, но равновесие так и не вернулось. И только книга может помочь восстановить баланс.

Мои слова, похоже, достигли цели. В его глазах мелькнули удивление, страх и резкое осознание. Он остановился и выпрямился.

— Ты смогла прочитать книгу? — проговорил он ледяным тоном.

— Разве её нельзя прочитать? Любой, кто умеет читать, может… — я встретилась с ним взглядом и поняла, что в его голове бушует буря.

«Ой, кажется, я сказала что-то не то. Наверное, надо было сделать вид, что я неграмотная. Или что у меня внезапно зрение село. Глупо, Александра, очень глупо.»

— Что ж, — произнёс он, скорее, сам себе, — возможно, у нас появился шанс.

Я не успела и пикнуть, как он схватил меня за руку. Дёргаться было бесполезно — с силой ангела мне не справиться. «Вот же грубиян! Хватает, словно я мешок с картошкой! Хотя, будь я мешком картошки, мои шансы на выживание были бы значительно выше.»

За его спиной возник ослепительный голубой портал.

Я зажмурилась.

А когда открыла глаза, мы стояли посреди огромного открытого пространства. Вокруг не было стен — лишь обрывки земли, облака и острова, парящие в пустоте. Я перевела взгляд туда, куда смотрел похититель, и замерла. Огромное старинное здание. Я читала о нём в книгах, которые показывала мне одна бессмертная — ангел по имени Пелония. У нас был странный союз. Мы даже сдружились, несмотря на её жёсткий характер. Как оказалось, у нас было много общего. Какое-то время мы спасали друг другу жизни, убегая и от бессмертных, и от смертных. Но пути наши разошлись.

И сейчас я вспомнила рисунок в одной из тех книг. Я поняла: это Цитадель. Место, где, по её словам, собираются все верхи.

Мужчина схватил меня за руку и поволок к зданию. Я давно усвоила: если кто-то хватает тебя и тащит в неизвестном направлении, он вряд ли настроен на дружескую беседу. Я искала способ вырваться, но не успела. Мы слишком быстро оказались в огромном помещении, которое скорее было пространством, чем комнатой.

Я огляделась и поняла, что мы здесь не одни. Повсюду, образуя круг, стояли десятки ангелов и, как я поняла, демонов. Я различила их по крыльям. У ангелов крылья были по большей части белые, а у демонов — куда разнообразнее: от огненно-красных и пушистых до кожистых, словно у порождений тьмы.

Мои наблюдения прервал голос, холодный до мурашек.

— Зачем ты её привёл? — эхо прокатилось под сводами.

Я повернула голову на звук. Вдалеке, на возвышении, на троне восседал… Бог? Я не знала. Ангел? Демон?

И тут я его разглядела.

Он был красив. Неприлично, пугающе красив, как заточённая в мрамор фигура. Его лицо казалось высеченным изо льда и гранита — высокие, острые скулы, идеально прямой нос, и бледные тонкие губы, сжатые в беспощадную линию. Белые, как лунный свет, волосы были заплетены в сложные, безупречные косы. Ни одна прядь не смела нарушить этот строгий порядок.

Но больше всего поражали глаза. Холодные, пронзительно-голубые, как глубины ледникового озера. Ни капли тепла — лишь бездонная, оценивающая глубина. Он смотрел на меня, словно я была не человеком, а случайным пятном на безупречном мраморе пола. Досадным, но не стоящим внимания.

Его осанка была безупречной. Даже расслабленно восседая на троне, он казался напряжённой струной, готовой в любой момент выпустить смертоносную стрелу. Плечи — широкие, но без тяжеловесности. Скорее, в них чувствовалась скрытая, хищная мощь. Над его плечами возвышались крылья — не белые, как у других, а золотые. Не яркие и кричащие, а глубокого, старого золота, как слитки в сокровищницах забытых королей. Каждое перо лежало безупречно, переливаясь призрачным светом.

Одежда его была простой и строгой — тёмные, почти чёрные ткани, плотно облегавшие торс и бёдра, позволявшие свободно двигаться. Ни вышивки, ни украшений. Только на груди красовалась золотая застёжка в виде дракона. На его левом плече сидела крошечная крылатая ящерица, похожая на дракона. Она смотрела на меня тем же бездушным чёрным взглядом, что и хозяин.

От незнакомца веяло таким холодом и такой абсолютной, непререкаемой властью, что у меня перехватило дыхание. Это была не просто сила. Это была тяжесть веков, ледяное спокойствие вершины, с высоты которой все смертные казались букашками.

«Вот это да, — пронеслось у меня в голове. — Настоящий ледяной король. Интересно, он когда-нибудь улыбается? Или у него лицо так и застыло в вечном выражении „я всех вас презираю“? И главное — как он умудряется носить такие волосы? У меня после десяти минут в подземелье они выглядели как гнездо испуганной птицы.»

— Сариэль, она может нам помочь, — ответил мой похититель.

«Вот же я вляпалась, — окончательно осознала я. — Смогла сбежать из секты, пережила апокалипсис, и вот меня, словно потерянную кошку, тащат к позолоченному ледяному божеству. Лучше бы я осталась в убежище доедать консервированную фасоль. От неё хотя бы не веяло убийственным презрением.

Сариэль медленно перевёл свой ледяной взгляд с похитителя на меня. Его глаза скользнули по моей заношенной одежде, спутанным волосам, зажатой в пальцах книге. В его ледяном взгляде не вспыхнуло ни интереса, ни раздражения. Лишь холодное, аналитическое изучение, словно он рассматривал новый, не совсем понятный инструмент.

«Вот же я вляпалась», — последний раз отчаянно подумала я, прежде чем его взгляд, тяжёлый и безразличный, заставил меня внутренне сжаться в комок.

2 глава

— И как же она может нам помочь? — поинтересовался до жути мерзкий голос.

Я повернула голову. По правую сторону от Сариэля стоял мужчина. Он казался даже старше моего похитителя — лет семьдесят, не меньше. С длинными белыми волосами и такой же бородой.

«Интересно, это у них такая фишка? Или у всех ангелов длинные белые волосы? И чем они их моют, чтобы получить такой объём? Особый шампунь „Бессмертный блеск“? Или они просто никогда не нервничают, вот волосы и не выпадают?» В любой непонятной ситуации главное — держать спокойствие и марку. Я пыталась подбодрить и развеселить себя как могла, пока холодный мрамор под ногами не напомнил, где я нахожусь.

За время войны я привыкла к бессмертным и почти перестала видеть в них чужаков, хотя многим смертным это давалось с трудом. Бессмертные считали нас букашками и поначалу смотрели на людей свысока. По сути, война и началась из-за них. Поэтому ученые создали средство, способное ранить бессмертных. Их раны просто-напросто не заживали. Но стало известно, что некоторые из них обладали даром исцеления. К счастью или к сожалению, таких было так мало, что они не успевали лечить всех. С человечеством с тех пор начали считаться, но лучше относиться к нам все равно не стали.

— Она может перевести нужную нам книгу, — строго, не терпящим возражений тоном, ответил мой похититель, Филип, как я теперь понимала.

— Интересно, как это ты понял? — усмехнулся блондин с тростью.

Только сейчас я заметила, что он на нее опирается. Но походка выдавала, что трость ему не нужна. Зачем он на неё опирался, оставалось загадкой. «Возможно, в ней скрыта какая-то сила. Или это просто модный аксессуар для важных бессмертных дядек. „Посох власти“, что ли. Смотрится пафосно, конечно.»

— Филип, ты, наверное, слишком долго был в изгнании среди людей и совсем забыл, что они нам неровня. Эту книгу не осилил ни один ангел, ни один демон, не говоря уж о метисах. А ты привёл человеческую девчонку и думаешь, что она справится?

— Она перевела первую страницу.

«Ой, блин, — я покосилась на него. — Ну, если три предложения для тебя уже страница, то у меня плохие новости. Остальное я не читала, да и не надо было — ты ведь чуть не убил меня при нашей первой встрече. И вообще, я больше по заголовкам».

Скрестив руки на груди, я приготовилась к атаке. «Ну вот и закончилась моя красочная, но очень короткая жизнь. Эпитафию можно написать: „Здесь лежит Александра. Перевела три предложения и умерла от важности“.»

Все это время Сариэль о чем-то раздумывал. Его лицо было словно непроницаемая маска. Холодные, оценивающие глаза изучали меня с ног до головы, не выражая ни интереса, ни презрения. Ничего. При других обстоятельствах я бы ему всё сказала. Но здесь лучше помолчать, чтобы не укоротить себе жизнь. «Хотя, если он всё равно собирается меня казнить, можно и высказаться. Но потом. Сначала надо выяснить, какие у них на меня планы.»

После недолгого молчания Сариэль наконец проговорил. Его голос был тихим, но резал слух, как ледяной ветер, забирающийся под кожу.

— Выведите ее в темницу. Пускай посидит там, пока мы решим, что делать дальше.

Словно по волшебству, возле меня оказались его слуги — ангел и демон. «С каких пор демоны прислуживают ангелам? У них профсоюз, что ли, завёлся? — сразу пронеслось в голове». Но, увидев оружие, я возмущаться не стала и покорно пошла за ними, бросив на Филиппа злой взгляд. Теперь я хотя бы знала, кого проклинать и за кого ставить свечку — за

упокой. «Хотя бессмертные… они вроде как не умирают? Может, за здравие? Нет, всё-таки за упокой. Хочется верить, что хоть какие-то неприятности у него в жизни случатся».

Когда дверь за мной захлопнулась, меня поволокли вниз по лестнице. И что у них за привычка — хватать за руки, как тряпичную куклу? «Этикет бы поучили. „Как правильно вести пленницу: руководство для бессмертных“. Я бы им первый экземпляр подарила.» Закинув меня в темницу и захлопнув дверь, они удалились. Камера была голой каменной коробкой. Безумно холодно, грязно и даже присесть негде — прям по всем канонам сырого подвала.

«Как интересно… бессмертные живут много веков, но почему-то упорно предпочитают темницы в средневековом стиле. Даже нацарапать что-нибудь на стене нельзя — камень слишком твёрдый. Полный регресс.»

Ничего не поделаешь. Я уселась на холодный пол, прислонившись спиной к стене.

«И что мне теперь делать? Лучше бы к брату вернулась. Хотя нет, там тоже не сахар. Чёрт, везде не сахар.»

Я не заметила, как задремала, свернувшись калачиком на полу.

Самое тяжелое в таких местах — не знать времени. Особенно в темнице без окон. Неожиданно меня разбудил меня какой-то шорох. Я резко открыла глаза.

«Что угодно, только не крыса, — подумала я и вскочила на ноги. — Обычно в таких местах они и водятся. Уф, настоящая пытка! Интересно, бессмертные крысы тоже существуют? Или они специально смертных подсаживают, для аутентичности?»

Я стала оглядываться, пока не поняла, что звук доносится из соседней камеры. Из-за плотной двери невозможно было разглядеть, что там происходит, но, судя по лязгу цепей, там сидел такой же заключенный.

А затем я услышала голос:

— Господи, да когда же они уже отцепятся? — проговорил чей-то писклявый голосок.

«Неужели ребенка на цепь посадили? Вот же твари. Хотя, если это бессмертный ребёнок, ему и тысяча лет в темнице не срок. Но всё равно как-то нехорошо.»

Я прислушалась, но больше ничего не услышала.

Через какое-то время дверь отворилась, и вошёл тот самый ангел-охранник. Он принёс еду — нечто, отдалённо напоминавшее похлёбку. Ни ложек, ни вилок. Просто тарелка и надежда, что это можно есть. «Надежда, конечно, вещь хорошая, но она не очень питательная».

— Извините, а долго меня здесь держать будут?

Ангел даже не взглянул в мою сторону, лишь захлопнул дверь прямо перед моим носом.

«Да, какие тут все гостеприимные. Прям как дома. Только без дома. И без окон. И без еды нормальной. Ладно, хоть санузел в норме… ой, нет, его тоже нет. Прекрасно.»

Пришлось попробовать эту бредятину и остановиться после двух глотков. «На вкус как будто кто-то носки заварил. Или это такой деликатес бессмертных?» Я поставила тарелку в угол и снова попыталась уснуть — теперь только сон мог скрасить мои дни.

Я опять не знала, сколько проспала. Дверь открылась, и я вскочила, решив, что принесли завтрак. Но на пороге стоял не охранник, а мой похититель Филипп.

— Ах ты, сволочь! — я подскочила. — Запер меня здесь, а теперь ходишь, ухмыляешься!

Едва я увидела его, он расплылся в улыбке, будто ему дворец пообещали. Я схватила тарелку с остатками «еды» и швырнула со всей дури. Но он ловко увернулся. «Бессмертные и уворачиваются лучше. Несправедливо.»

— Успокойся. Или хочешь так и сидеть в темнице? — проговорил он, приподняв бровь.

— Вообще-то, если ты не заметил, до этого момента я ходила на свободе! Поэтому требую вернуть меня обратно или прибить уже до конца. Сидеть здесь невозможно! Особенно без туалета!

— Ох, как заговорила! — протянул он. — Пойдем. Возможно, сегодня судьба будет на твоей стороне.

И, схватив меня как обычно, за руку, поволок наверх. «Он вообще другие способы передвижения знает? Или у них в ангельском учебнике только одна глава: „Таскание смертных за конечности“?»

Я снова оказалась в том же зале. Во главе, как и вчера, сидел Сариэля, а рядом был тот самый белокурый мужчина с тростью. И только теперь я заметила женщину слева. Светловолосая, на вид лет тридцати, но с таким ледяным взглядом, что по коже пробежали мурашки. «Интересно, в Цитадели всех учат так смотреть? Или здесь специальные курсы: „Холодная презрительность для начинающих“ и „Мастер-класс по ледяным взглядам“?»

— Дитя, как тебя зовут? — раздался холодный, безразличный голос Сариэля.

«Дитя. Ага. Мне двадцать два, я пережила войну и секту, а он мне „дитя“. Ладно, для бессмертного, которому, наверное, тысяча лет, я и правда дитя. Но всё равно.»

Я выпрямила спину и подняла подбородок, стараясь говорить так, будто моя жизнь не зависела от их выбора. Хотя она, конечно, зависела. И очень.

Мое имя — Александра. И я прошу отпустить меня немедленно. Помочь расшифровать вашу книгу, как я понимаю, могу только я.

— Как заговорила! — беловолосый старик соизволил заметить меня. С самого начала он мне не нравился — мутный какой-то.

— Ты, смертная девчонка, смеешь ставить условия?!

— Тарендис, хватит, — холодно остановил его Сариэль. Голос был тише, но в нем была сталь, которая заставила меня внутренне съёжиться.

— От этой девчонки мало будет толку, — уже не ко мне, а к Сариэлю проговорил Тарендис.

— Я дико извиняюсь, — вмешалась я. — Может, я все-таки сама за себя скажу? С чего вы решили, что от меня мало толку? Ваш… изгнанник вам рассказал. Я могу перевести. Но цена — моя свобода. Вы отпустите меня живой и невредимой туда, откуда и взяли, сразу после перевода. Ах да, и мне нужна полная безопасность моей персоны.

В этот момент все бессмертные уставились на меня. «Ой, злосчастный мой язык. Похоже, моя жизнь стала еще короче. Хотя куда уж короче?»

Но, не подавая вида, я продолжала так же грозно смотреть на Сариэля. Его холодное лицо не выражало ни одной эмоции. Лишь спустя мгновение в уголках его губ промелькнула едва заметная ухмылка. «Ухмыляется. Интересно, о чём думает? Наверное: „Какая смешная смертная, думает, что у неё есть выбор“. Ну, хоть развеселила ледяную глыбу, уже достижение.»

— Что ж, а ты умеешь строить сделки, — он подпер голову рукой. — А если мы не пойдем на твои условия? Если ты переведешь книгу, а мы не отпустим тебя? Что тогда будешь делать?

— Вы не обманете. Мы заключим договор. Вы выполните обещание, а я, в свою очередь, правильно переведу книгу.

— А ты не думаешь, что мы просто заставим тебя перевести ее без договора? Темница или книга — третьего не дано.

— Знаете, — грозно посмотрев на него, проговорила я, — от условий моей жизни зависит качество перевода вашей книги. Голодная, замёрзшая и напуганная переводчица наделает в десять раз больше ошибок, чем ухоженная, сытая и довольная. Это простая психология. Даже для бессмертных.

— Нашей? — переспросил он, и в его ледяных глазах что-то мелькнуло. — Кажется, это вы, смертные, страдаете внизу. А у нас, бессмертных, всё прекрасно.

— Если бы у вас всё было хорошо, вы бы не притащили меня сюда и не загорались бы при каждом упоминании о том, что книгу можно перевести, — парировала я, стараясь говорить так же холодно, хотя внутри всё дрожало. — Равновесие нарушено у всех. И перевод вам нужен даже больше, чем нам. Мы, смертные, давно научились выживать в аду. А вы, похоже, нет.

Он смотрел на меня, и в глазах его что-то шевельнулось — не интерес, не злость, а холодное, расчётливое любопытство, с каким разглядывают новую, незнакомую вещь, которая вдруг оказалась полезной.

— Хорошо. Хочешь договор — будет тебе договор.

— Но! — вмешался Тарендис.

— Хватит, — голос Сариэля стал тише, но оставался таким же опасным. — Пусть попробует. Хуже не будет. А если посмеет сделать что-то не так… — он сделал паузу, и слова повисли в воздухе тяжелой, невысказанной угрозой.

«„Казним“ — вот, что он решил не озвучивать. Но мы-то поняли. Ясненько.»

— Минутку, — подняла я руку, как на уроке. — Прежде чем заключим договор, я хочу кое-что прояснить.

— Прояснить? — переспросил Филип, который до этого молча наблюдал. — Тебе жизнь даровали, помиловали, а ты собралась что-то прояснять?

— А вас, похититель, я вообще не спрашивала, — я перевела взгляд обратно на Сариэля. — Во-первых, я хочу, чтобы меня поселили в хорошие, теплые и качественные покои. У вас же это так называется, да, Филип? Ах да, вам откуда знать, вы же в изгнании. Наверное, в пещерах жили. С летучими мышами.

В этот момент раздался сдержанный, но явственный смешок. Его издала та самая светловолосая женщина.

— Серафим, неужели ты и вправду собираешься потакать этой девчонке? — язвительно спросила она.

«Не зря говорят, все бабы у власти — стервы. Хотя, возможно, она просто ревнует. У Сариэля, наверное, с ней что-то было. Или она жаждет этого. А тут я — смертная помеха. Типичный сюжет для дешёвого романа. Только я вот почему-то внутри него.»

Сариэль медленно повернул к ней голову. Его движение было плавным и лишенным всякой суеты, как у большого хищника.

— Эта девушка действительно может нам помочь. Поэтому да, мы выполним ее требования. Отныне она не пленница, а наша гостья. Ирина… — бессмертный позвал кого-то, глядя в сторону

В проеме появилась женщина средних лет. Ее белые крылья и правильные черты лица резко контрастировали с пышными рыжими кудрями, рассыпавшимися по плечам.

— Да, господин, — склонила голову женщина.

— Подготовь покои для нашей новой гости. Думаю, ей придется надолго у нас задержаться, — произнес он и, видимо, больше не в силах выносить мое присутствие, жестом велел охранникам увести меня.

Те, как тени, появились рядом и, уже не хватая, а просто взяв под руки, повели в сторону покоев. Видимо, статус «гостьи» включает в себя право ходить на своих ногах. Радует.»

Ну хоть место для жизни я себе выбила. Хоть что-то хорошее, кроме ощущения, что в той темнице всё же был ребёнок. Надо ему помочь. Смертный он или бессмертный — держать ребёнка в такой яме бесчеловечно.

Сариэль не обманул. Мне выделили хорошую, теплую, светлую комнату с большой кроватью. Постель была такой мягкой и пушистой, что, едва я легла, сразу провалилась в сон. Видимо, после темницы все во мне обострилось и решило, что это рай. «Если это рай, то где же ангелочки с арфами? А, вот же они. За окном летают. Правда, чуть не казнили. Но кровать и правда классная.»

3 глава

Открыв глаза, я поняла, что наступил вечер — солнце уже заходило за горизонт. Только теперь я осмотрелась. В комнате стоял туалетный столик — видимо, чтобы готовиться к встречам с верхушками. Маленький столик, на котором лежало несколько книг, в том числе и та самая Книга, занимавшая половину стола. Несколько листов бумаги и…

— «О Господи, неужели перо?»

Я не могла поверить своим глазам.

«Неужели у них настолько отсталый век, что они до сих пор пользуются пером? Как я буду им писать?» Решив не задерживать на этом взгляд, я перевела глаза на большое зеркал. На меня смотрела мое усталое отражение: русые волосы до плеч, зеленые глаза, где-то с правильными чертами лицо, но при этом с маленькой горбинкой на носу. Я, конечно, не бессмертная, но по меркам людей, очень даже ничего. Зеркало располагалось прямо напротив кровати.

Затем я обратила внимание, что рядом с той самой дверью, через которую меня ввели, была еще одна. Я поднялась с кровати и подошла к ней. Дверь, ведущая к выходу, была заперта, а вот вторая легко поддалась — за ней оказались ванная и туалет. «Господи, какое счастье! Я уже думала, что и здесь никаких усовершенствований». С облегчением я подумала, что условия здесь достаточно хорошие. Защищать меня будут сами верхушки, ведь я им нужна живой. Есть где жить, будут кормить. В какой-то момент мне даже показалось, что здесь лучше, чем на Земле. Там после войны и апокалипсиса пришлось бы тяжко. Выживать одной почти невозможно: пропитание найти сложно, все сбиваются в племена. А если ты не в племени — скорее тебя съедят, чем ты найдёшь еду.

Я вернулась к кровати и опустилась на край. Оказалось, всё это время справа от неё была тумбочка, а слева — шкаф. Любопытство пересилило, и я открыла дверцу. Внутри висели яркие, красивые платья.

— Блин, с платьями-то у меня туго.

Открыв следующую дверцу, я увидела стопками сложенные рубашки и брюки.

«Вот это мне гораздо больше нравится, — улыбнулась я про себя. Ну что ж, приступим?»

Открыв книгу, я поняла, что и правда могу прочитать её от корки до корки. Не знаю почему, но первые 10 страниц я точно понимала.

Мой интерес к книге прервал стук в дверь, из-за которой показалась рыжая голова. Передо мной стояла та самая девушка — Ирина. Увидев, что я не сплю, она склонила голову и проговорила:

— Здравствуйте, госпожа. Я ваша служанка, буду прислуживать и помогать вам. Надеюсь, я вас не побеспокоила, — всё так же не понимая, куда смотреть, проговорила она.

— Тебя же зовут Ирина? — спросила я её.

— Да, госпожа.

— Ой, а ты не могла бы звать меня просто по имени? — с улыбкой на лице я попыталась настроиться на нужный лад. «Мне точно нужен свой человек. Такой, что за меня под пулю пойдёт. И всё такое, — рассуждала Я про себя».

Ирина подняла на меня взгляд.

— Простите, а как вас зовут?

— Ой, я не представилась. Меня зовут Александра.

— Александра? — переспросила она.

— Да, довольно странное имя.

— Да нет, очень даже нормальное, в стиле смертных. К вам обращаться официально или же можно как-то кратко?

— Если захочешь, можешь называть меня Алекс.

— Хорошо, госпожа Алекс.

— Ой, давай без госпожи. Просто Алекс, и обращайся ко мне на «ты». Я здесь ненадолго, госпожа… Да и какая из меня госпожа? Просто смертная, которой немного не повезло. Слушай, Ирина, а ты бы не могла мне рассказать поподробнее про это место?

— Алекс, я не понимаю, о чём ты хочешь спросить?

— Я понимаю, что ты не можешь рассказать мне всё по определенным причинам, Ирина. Но мне правда интересно. Кто такой Сариэль? Почему его все слушаются? Можешь рассказать без подробностей, просто объясни правила, которых мне стоит придерживаться.

— Я расскажу тебе. Еще господин велел немного научить тебя манерам.

«Интересно», — подумала я про себя. — Этот павлин самым первым делом собрался меня манерам учить? Не понравилось, как я себя вела в тронном зале?»

— Ирина, расскажи всё с самого начала, если можешь. Именно до того момента, когда начался апокалипсис.

— Думаю, история получится очень долгая, поэтому я расскажу лишь в общих чертах. До войны бессмертные жили своей обычной жизнью. Были школы, где демоны и ангелы учились вместе, а затем опускались на землю и давали людям советы. С одной стороны — ангелы, свет. С другой — демоны, тьма. И был Закон Жизни, запрещавший им сосуществовать и уж тем более порождать детей. Дитя ангела и демона нарекали метисом, полукровкой. И какое-то время их изводили.

— Убирали? — спросила я. — То есть ты хочешь сказать, что от них избавлялись?

— Да. По закону, бессмертные не могли быть вместе с метисами. Никто не знал, какая сила в них может проснуться. Сам Создатель запрещал нам это.

— Интересно, — проговорила я. — Довольно странное восстание… Думаю, ты познакомишься со всеми героями чуть позже. Ксенагор — сильнейший из метисов. Когда появился Белиал и начал нападать не только на нас, но и на вас, все стали действовать сообща. Кроме Ксенагора, к нам присоединились ещё двое — Майкл и его брат Кристиан. Они довольно сильные и непредсказуемые.

Ирина поставила на стол поднос с едой и продолжила рассказывать. Я сразу засыпала её вопросами. Мне не терпелось узнать, что меня ждёт.

— Армия смогла одолеть восстание.

— Ух ты, — проговорила я. — А Сариэль?

— Сариэль — это Серафим, который очень много сделал для нас.

— Для вас? — не поняла я.

— Совет был создан благодаря Серафиму. Без наших героев многое бы не получилось. Он сам бросался в пекло, лишь бы спасти нас.

— Подожди, а почему его считают сейчас самым главным? То есть, по сути, он сейчас как король у ангелов, если так можно сказать?

— Серафим, и правда, считается королём. Никто не смеет перечить его словам, а приказы выполняют беспрекословно.

— А у демонов? — переспросила я её.

— У демонов всё сложно. У них происходят вечные войны за трон, поэтому мы, ангелы, особо и не тянемся к ним.

— Но демоны слушают его, я права?

— Совет бессмертных объединил всех — метисов, демонов, ангелов. Во главе стоит Сариэль, и потому демоны не смеют ему перечить точно также как и метисы.

— А та женщина рядом — это его жена?

— Женщина… а, Карина?

— Наверное.

— Нет, она не его жена. У Карины другой муж. Она тоже Серафим и тоже возглавляла Совет. Правда, она была ниже нашего короля, и когда-то поговаривали, что даже была его ученицей. Но насколько это правда никто не знает.

— Она ведь рядом с Сариэлом сидит. Получается, в ее руках тоже есть власть?

— Конечно. Когда-то она была мелкой пешкой, а затем стала Серафимом. Для многих она — элемент восхищения, но для демонов же — заноза.

— Интересно, — повторилась я опять. — Слушай, Ирина, а какой бы ты дала мне совет? Ну, чтобы здесь выжить? — пытаясь перевести беседу, проговорила я.

Ирина наградила меня тяжёлым взглядом, а затем лишь сказала:

— Попытайся не злить Сариэля. От его решения зависит твоя жизнь. Разозлишь, подведешь или, не дай боже, предашь господина — даже без его приказа ангелы съедят тебя. Или убьют, — проговорила она и, не желая дальше продолжать диалог, развернулась и вышла из комнаты, даже не попрощавшись.

«Да, очень добродушный приём». Но в этом приеме были и свои плюсы: чем меньше они ко мне привязывались, тем меньше и я к ним.

Я решила поесть и взяться за дело. Села переводить эту «книгу». Перевод шёл легко, первая страница далась быстро. На ней было написано: мир, существовавший прежде — лишь иллюзия, созданная Светлым богом. И я задумалась: кто автор? Если книгу написал бог — получается, именно он сотворил иллюзию равновесия? Ангелы и демоны никогда не должны были враждовать. Метисы — не ошибка, а напоминание о равновесии. И несут его именно они. Осталось понять, что это за равновесие.

Перевернув страницу, я увидела рисунок — девушку с двумя разными крыльями. Лица не было видно, белые волосы скрывали его целиком. Она была прекрасна, стройна, словно выточенная из идеала. Внизу я разобрала: «На картинке изображена Создательница, от которой появился Бог Света и Бог Тьмы». Проблема в том, что о Боге Света я кое-что знала, а о Боге Тьмы — ничего. «Выходит, она — мать самого Бога?»

Оттого что информация была для меня непонятной, а перевести нужно было как можно точнее, у меня разболелась голова. Я решила не мучить себя и отложила дело на завтра. Я легла спать.

* * *

Мои личные покои были моим маленьким, хрупким раем. Временные, как мне постоянно напоминала Ирина, но уже успевшие пропахнуть разочарованием жизни. Здесь не было сквозняков, как в коридорах. Здесь был самый мягкий ковёр — я проверяла его босыми ногами. И здесь я могла хоть на пару часов забыть, что нахожусь в эпицентре долгой войны бессмертных.

Именно поэтому, когда в дверь вломились в пятом часу утра, моей первой мыслью было: «Сейчас я кого-нибудь убью».

В дверь не постучали. Она просто резко распахнулась, и в проеме, залитая холодным предрассветным светом, возникла Ирина.

— Вставайте, — произнесла она без предисловий. Её голос звучал как скрежет камня по камню. — Вас требует Серафим. Немедленно.

Я, зарывшись лицом в подушку, издала нечленораздельное мычание, которое должно было означать: «идите все в жаркие уста сатаны, я сплю».

— Он ждёт в главном зале, — продолжила Ирина, как будто не услышав. — У вас пять минут, чтобы привести себя в приемлемый для аудиенции вид.

Я приподнялась на локте, с трудом разлепив глаза. Волосы лезли во все стороны, пижама перекрутилась вокруг тела, как удав.

— Он… что? Сейчас? — я протёрла глаза. — У него там часы сломались, что ли? Или он решил, что рассвет — это идеальное время для того, чтобы терроризировать смертных переводчиков? У меня же сонный цикл! Он слышал о таком?

— Четыре минуты, — констатировала Ирина, не моргнув. — Он сказал «немедленно». Это не предполагает обсуждения «смертных циклов».

Внутри всё похолодело, но я тут же натянула на лицо маску возмущённого недосыпа. Страх — плохой советчик. А вот праведный гнев сонного человека — отличное прикрытие.

— А он хоть чаю предложит? Или кофе? Чёрт, хоть воды? Или аудиенция будет в стиле «посмотрим, как мелкая смертная страдает от обезвоживания и непонимания происходящего»? — Я свалилась с кровати и начала на ощупь шарить по стулу в поисках хоть чего-то, напоминающего одежду.

— Три минуты, — сказала Ирина и, повернувшись на каблуках, вышла, оставив дверь открытой. Явный намёк.

Я ворчала себе под нос, натягивая первую попавшуюся рубашку и штаны, которые, к счастью, почти сочетались, и пыталась пальцами пригладить взъерошенную гриву. Хотя скорее Светлый Бог воскреснет, чем мои три волосинки станут гривой. Но мысли лихорадочно метались.

«Зачем я ему? Почему сейчас? Отчёт я вчера сдала — тот ещё шедевр бюрократического словоблудия на трёх листах. Неужели не понравилось? Нет, не может быть. Он бы не стал вызывать. Прислал бы стражу и всё объяснил бы холодными, короткими фразами уже в темнице.»

Представления о темной холодной темнице заставили двигаться меня быстрее. Адреналин пробил сонную вату. Я наскоро умылась ледяной водой, с трудом втиснула ноги в сапоги и вылетела в коридор.

По пути в Зал я старалась придумать линию поведения.

Вариант А: Показать крайнюю степень сонной беспомощности. «А? Что? Где я? О, это вы, ваше… ледяное величество? А книжка… она там, с иероглифом-закорючкой…» Рискованно. Может счесть за полную неадекватность и поставить надзирателя.

Вариант Б: Изобразить пробудившийся научный энтузиазм. «О, господин Серафим! Я как раз ночью озарилась насчёт быстрого перевода книги!» Слишком резкий переход, вызовет подозрение.

Вариант В: Злобная сова. Просто хмуриться, отвечать односложно и всем видом показывать, что любое существо, которое будит меня до восхода солнца, автоматически заносится в чёрный список на вечные времена. Близко к истинным чувствам, а значит, правдоподобно.

Я выбрала варианты: Б и В.

Когда я ввалилась в Главный зал, Сариэль стоял на своём привычном месте. Но в воздухе висело не обычное рабочее напряжение, а что-то намного острее. Он не смотрел на меня. Он смотрел в узкое окно, на первые проблески рассвета, окрашивающие снежные вершины в кроваво-красный. От него, как всегда, веяло холодом и силой, но сегодня к этому примешивалась едва уловимая, звенящая нетерпеливость.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по моему лицу, взъерошенным волосам, криво надетой кофте. Никакой оценки. Просто констатация факта: «Явилась».

— Ты спала, — начал он.

— Божественное наблюдение, господин Серафим, — выпалила я, едва сдерживая зевок. — Обычно в это время разумные существа этим и занимаются. Если, конечно, их не сжигает жажда познания или… скажем, внезапные ночные порывы начальства.

Я рискнула. Но уставший, злой мозг — плохой фильтр.

Он проигнорировал колкость.

— Прогресс с расшифровкой ключевых моментов в книге я не увидел. Твой отчёт излишне многословен и уклончив. У меня нет времени на «вероятности» и «гипотетические контексты». Мне нужна конкретика.

Вот оно. Нажим. Прямой и жёсткий. Моё сердце упало куда-то в сапоги, но лицо я сохранила.

— Конкретика, — повторила я, делая вид, что обдумываю. — Хм. Суть такова: руна, похожая на треснувший кувшин, означает либо «источник», либо «разрыв» — в зависимости от соседнего символа. А соседний символ, в свою очередь, толкуется либо как «печать», либо как «рана»… Если верить книге ангелов. Если же демонов…

— Александра, — он прервал меня, не повышая голоса. Но в этом одном слове был такой напор, что мне пришлось замолкнуть. Он сделал шаг вперёд. — Граница в тяжелом состоянии. Силы Белиала пробивают наши слабые места. Каждый день промедления стоит жизней. Тебе не нужно знать всё. Нужно верное значение. Найди его. И быстро.

Это был не приказ. Это был приговор. И в его глазах я впервые ясно увидела не просто холодный расчёт, а давление временем. Тот самый груз, который он всегда нёс, но сейчас он стал невыносимым.

И в этот момент вместо страха во мне вспыхнуло знакомое, едкое сопротивление. Давит? Отлично. Значит, нуждается. А нужное имеет цену.

— Быстрее, — сказала я, глядя ему прямо в глаза, уже без намёка на сонливость. — Быстрее — это значит больше ресурсов. Мне нужен доступ ко всем архивам. Включая запретные. Мне нужен полный доступ в библиотеку в любое время. И… — я сделала паузу для драматизма, — мне нужно, чтобы меня не будили среди ночи для выяснений. Мой мозг, как бы примитивен он ни был, требует отдыха для обработки этих ваших «треснувших кувшинов». Иначе на выходе получится не оружие, а дорогущая дубина с гравировкой «спасибо за бессонницу».

Мы стояли, измеряя друг друга взглядами. Он — воплощение древней, неумолимой власти. Я — взъерошенная, невыспавшаяся смертная, которая только что выторговала себе условия под предлогом большей эффективности.

Уголок его губ — нет, не дрогнул. Но что-то в его взгляде… сместилось. С расчёта на оценку. Он взвешивал: тратить время на препирательства или дать мне то, что я требую, в надежде ускорить дело?

— Хорошо, — отчеканил он. — Библиотека с сопровождением. И… тебя больше не будут тревожить по ночам для отчётов.

— И днём тоже лучше не тревожить без крайней нужды, — добавила я на удачу. — Творческий процесс, знаете ли.

— Не злоупотребляй, — закончил он ледяным тоном и повернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Я вышла, чувствуя, как дрожь в коленях сменяется лихорадочным возбуждением. Я только что сыграла ва-банк. И… выиграла? Вроде бы. Он купился. Стоять за дверью долго не хотелось, поэтому я направилась к себе.

Тишина. Опять эта благословенная, гулкая тишина каменных стен. Я села у окна. Внизу, где-то за горизонтом, лежит Земля. Моя родная, многострадальная, разорённая Земля.

И знаешь что, мозг? Давай начистоту. Спускаться туда сейчас — это самое тупое, что я могла бы сделать.

Здесь, в голове, прокручивается наша любимая презентация: «Почему Цитадель — курорт, а Земля — ад».

Слайд первый: Еда. Там — просроченные консервы, которые ещё надо отбить у таких же голодных. Жареные крысы — уже деликатес. А здесь пюре из какого-то волшебного корня,

само просится в рот. Мясо, не пахнущее тленом. И чай. Чёрт возьми, просто горячий чай. Не надо варить его на костре из обломков мебели и прислушиваться к вою за стеной.

Слайд второй: Безопасность. Там каждая тень, каждый шорох — это оно? Оно пришло? Можно ли там спать, или проснёшься в пасти чего-то зубастого? Здесь… Здесь стены толщиной пять метров. Здесь патрули бессмертных. Смотрят на тебя как на диковинную букашку. Но букашку, которую приказано не давить. Я могу заснуть. По-настоящему. А не проваливаться в забытьё от изнеможения с заточкой в руке.

Слайд третий, самый важный: Будущее. Там его нет. Там есть только борьба за следующий час, следующий день. Здесь… Здесь есть завтра. И послезавтра. Пока я хоть что-то значу.

И вот мы подходим к сути. Я важна ровно до тех пор, пока перевожу эту чёртову книгу. Логика проста: закончу — стану бесполезной. А бесполезный актив в стратегии Серафима подлежит утилизации. Нет, меня не убьют. Вежливо проводят до портала и махнут ручкой: «Спасибо за услугу, выживай как знаешь». А я знаю, как. Плохо.

Поэтому да, я буду тянуть. Я буду тянуть этот перевод, как могу. Каждая новая, «внезапно обнаруженная» лингвистическая нестыковка — это ещё один день горячей еды. Каждый запрос в «труднодоступный архив» — это ещё одна ночь спокойного сна. Мой «педантизм» и «стремление к абсолютной точности» — это не черты характера. Это оборонительные сооружения.

Я не предаю их священную войну. Мне плевать на нее. Я предаю саму идею того, что меня снова вышвырнут в тот кошмар. Я сражаюсь в тихой, бумажной битве. Мой враг — не Тёмный Бог, а скорость. А союзник — сложность древнего языка.

Пусть Сариэль видит во мне упрямую, возможно, даже не слишком умную смертную, которая погрязает в деталях. Пусть Тарендис считает меня проблемой. Идеально.

Иногда меня накатывает стыд. Там гибнут люди. Там рушится всё. А я торгуюсь за лишнюю неделю тёплого душа. Но стыд — роскошь. Роскошь для сытых и защищённых. Я слишком долго была голодной и беззащитной, чтобы позволить её себе сейчас.

Это мой контракт с самой собой. Я продала им свои знания, но срок действия контракта определяю я. Пока я могу притворяться, что разгадываю величайшую загадку всех времён, я в безопасности. А безопасность — это единственная валюта, которая имеет значение в любой вселенной.

Так что прости, великая миссия спасения миров. Моя главная задача сейчас — спасти свою шкуру. Этот каменный замок, этот холодный Серафим, даже этот противный Тарендис — пока что лучшие инструменты для неё. Буду тянуть до последней чёрточки на последнем свитке. Потому что альтернатива одна — снова проснуться в мире, где нет шанса на выживание. С такой жизнью я уже сталкивалась. Спасибо, не надо. Утро началось с дерзкого вызова. И похоже, ледяной хозяин цитадели впервые столкнулся с тем, что его «ресурс» не только умеет переводить, но и ведёт свои переговоры. На пустой желудок и в криво надетой кофте.

* * *

Последующие дни слились в одно монотонное полотно, вытканное из усталости и пергаментной пыли. Цикл стал незыблемым, как смена дня и ночи в этом каменном мешке. Проснуться с тяжестью недосыпа в костях. Уйти с головой в переводы, где каждое новое слово ощущается как минное поле. Явиться на аудиенцию к Сариэлю. Выложить перед ним жалкие крупицы смысла, что удалось намыть за долгие часы. И получить в ответ ледяную констатацию несоответствия.

То перевод был недостаточно точен — «расплывчат», как он выражался. То работа двигалась слишком медленно — «неадекватно темпам угрозы». То он находил изъян в самой методике: «Ты ищешь логику там, где царила чистая воля. Твой подход ошибочен в корне».

Со временем я стала понимать, что он скажет сегодня. Едва переступая порог его кабинета, я уже знала, как именно прозвучит его «нет». В позе, в направлении взгляда, в молчании, предшествующей речи, читалось грядущее недовольство. Я научилась различать оттенки его холодности: раздражённая, утомлённая, презрительная. К тому моменту, как я открывала папку, уверенность в провале держалась на девяноста процентах. Оставшиеся десять — не надежда. Просто статистическая погрешность.

Один из таких дней выдался особенно беспросветным. Шесть часов я билась над одним абзацем, где знакомые, казалось бы, символы складывались в откровенную тарабарщину или, что хуже, в обманчиво ясный, но стерильный, с точки зрения бессмертных, текст. Доклад провалился, и мы оба это поняли, не проронив и десятка слов. Его молчание было красноречивее любой критики — оно просто констатировало мою бесполезность в этот момент.

Вернувшись в свою комнату, я не пошла к столу. Не зажгла свет. Я дошла до кровати, и ноги сами подкосились. Я свалилась на кровать, лицом в подушку, не в силах сдвинуть с места ни одну мышцу. Физическая усталость была ничем, по сравнению с ментальным опустошением. Казалось, сам воздух стал тяжёлым. Круг замкнулся: утро, работа, поражение. Завтра — то же. И послезавтра. Бесконечная петля, где я была и бегуном, и дорожкой, и той, кто неумолимо отмеряет время, зная, что его всегда не хватит.

Сон, который мне снился в эту ночь, вывел меня из состояния равновесия окончательно. Я шла по холодной воде, а впереди меня стояло зеркало. Каждый шаг, который я делала, отдавался адской болью в ногах, словно я шла не только по холодной воде, а еще и по тысяче осколков. Когда я почти подошла к зеркалу, чёрная жижа стала затягивать меня. Я тонула, но кричать не могла — голос не слушался.

Я проснулась в холодном поту, резко вздрогнув и вскочив с кровати.

Выпив стакан воды, который принесла Ирина, я взглянула в окно. Странно было видеть, что мы и вправду парим в небесах. Комната моя была на очень высоком этаже, и разглядеть, что творится внизу, я не могла — видела только сияние. Возможно, виновато моё плохое зрение, которое уж точно не ангельское, на все сто.

Я поняла, что так и не усну — слишком мало времени прошло после кошмара. «Стоит себя чем-то занять». Я открыла дверь, которая, как оказалось, не была заперта. И я решила: если осторожно пройдусь, может, пойму, что здесь творится. План побега никто не отменял. Место было роскошным, но темница внизу не шла у меня из головы. Откуда мне знать, что на уме у Сариэля? Сегодня он заключает со мной договор, завтра выкинет — и это лучший исход. Худший — убьёт. Никто не оставляет в живых тех, кто знает слишком много. Особенно Сариэль. Я мало его знаю и видела нечасто, но если он здесь главный, он меня не пощадит: слишком много информации окажется в моих руках.

Коридор оказался просторным. Когда меня вели сюда, я не смотрела по сторонам. Только теперь заметила, что здесь нет ничего примечательного — просто каменный дворец. Я тихонько двинулась дальше, намеренно цепляясь взглядом за мелочи, чтобы запомнить расположение комнат и, если придётся, знать путь к бегству.

В конце я увидела лестницу и стала спускаться по ней так, чтобы меня никто не заметил. Сейчас была поздняя ночь, и, что было очевидно, все давно спали. Тихонько спустившись вниз, я прошла несколько этажей. Моей целью было понять, куда ведёт эта лестница: либо в темницу, либо к выходу.

Но, пройдя несколько этажей, я обратила внимание, что новый этаж был другим. Меня ведь водили только в главный зал. Здесь не было закрытых коридоров — наоборот, все они были открыты. Красивые арки выходили на звёздное небо. Подойдя ближе, я услышала голос. Мне стало интересно, кто находится на этом этаже, раз он так украшен и отделан с таким размахом.

Спрятавшись за каменную колонну, я выглянула. Впереди был силуэт девушки-ангела. У неё были потрясающие большие белые крылья. Фигура — точёная, будто передо мной стояла статуя Девы Марии. Тёмные волосы каскадом падали на хрупкие плечи. Через мгновение силуэт чуть повернулся в мою сторону. Она не смотрела на меня, всё её внимание было прикован к кому-то другому. Но и этого хватило. Я успела разглядеть ее ярко-голубые глаза, тёмные волосы. «Какой же поразительный контраст!» А губы… не понять: накрашены или такие от природы. «Парню — или, может, уже мужу точно повезло, если она ему принадлежит».

А затем я увидела, кому принадлежит её сердце. Взгляд девушки был исполнен такой любви, словно без него ей не жить. И тут показались его золотистые крылья.

«Значит, он занимает высокий пост», — подумала я про себя». Но тут появился сам бессмертный. Это был Сариэль. Его холодный, надменный взгляд лишь мельком скользнул по девушке. Она же от одного этого взгляда затрепетала. Вытянулась, словно струна, стараясь показать себя с лучшей стороны.

— Сариэль, ты уже освободился? — словно соловей, проговорила она.

«О-бал-деть, — подумала я. — Ну вот, в кого, в кого… Ну в этого чурбана влюбиться — это кем же надо быть? Она на него таким влюблённым взглядом смотрела, а он лишь скользнул по ней, словно ничего примечательного в ней нет». Мне всегда обидно за красивых девушек, которые вешаются на глупых парней.

Он не стал долго возле неё задерживаться. Выйдя из своего кабинета, он отправился в зал по коридору. Но, пройдя совсем немного, он резко остановился и повернулся в мою сторону. Я затаила дыхание и прижалась к колонне, чтобы меня было как можно меньше заметно. Но я недооценила его. Как я поняла по словам Ирины, он живёт уже очень много веков. Более того, он очень хороший воин. Не зря же его поставили главным. Через несколько мгновений передо мной уже стоял он, а позади него летела та самая девушка.

— Анжелика, ты можешь быть свободна, — холодно проговорил он, всё так же глядя на меня.

От его пронзительного взгляда по спине пошли мурашки.

— Но… — проговорила девушка, сначала не замечая меня. Потом проследила за взглядом возлюбленного и увидела. И в её глазах вспыхнул огонь. Ревность. Словно она готова была меня убить. «Блин, мадам, я же на него не претендую! Как вам это объяснить?» — вертелось у меня в голове.

Затем моей руки коснулась холодная ладонь. Резко дёрнув меня на себя, Сариэль поднял меня на ноги. Он всё так же молча смотрел на меня — словно спрашивал себя, зачем во всё это ввязался. Анжелика резко перевела взгляд на наши руки.

— Сариэль, что это значит? — гневно посмотрев на него, проговорила она.

— Я сказал — ступай, — не имея больше никакого желания продолжать диалог, проговорил он.

Его тон был ледяным. Казалось, сейчас он просто прикажет запереть её в темнице. Она не могла ему перечить, поэтому, опустив голову, резко развернулась и пошла прочь. Я проследила взглядом за её спиной — гордая походка и высоко вздернутый подбородок. «Что-что, а девушка вызывает лишь восхищение». А затем пришла и моя очередь.

— Что ты здесь забыла? — холодно процедил Сариэль.

— Я… не могла уснуть. Я просто спустилась в поисках Ирины, мне нужна вода. Я проснулась и поняла, что мне нечего пить, и вот поэтому я здесь, — начала я мямлить. «Перед смертью не надышишься. Как ещё ему объяснить, что я пытаюсь найти выход для побега?»

— Мы же вроде с тобой договорились, Александра. Ты переводишь книгу, а я дарую тебе свободу. Но ты все равно решила найти выход для побега?

«Вот блин, — подумала я про себя. — Он что, мысли умеет читать? Но ангелы же так не смогут… Или смогут?»

Я выдернула свою руку.

— Вам, бессмертным, нельзя доверять.

— Это вам, людям, нельзя доверять. Мы, бессмертные, держим своё слово.

— Держите, ага, как же!

Я выдернула руку и будто обожглась. Затем твёрдо посмотрела ему в глаза. Он схватил меня за подбородок и притянул к себе. Лицо его оказалось так близко, что я разглядела оттенки в его глазах. Странно: только сейчас я поняла, насколько Сариэль красив. Жаль, одной красоты мало… Но его поступок заставил меня сжаться. «Что он собирается делать? — промелькнуло у меня в голове». Рефлекторно я схватила его за руку, а второй рукой выставила блок, прижав ладонь к его груди. Под ладонью сразу почувствовались каменные мышцы. «Возможно, у бессмертных в принципе всё тело такое».

— Мой тебе совет, Александра: никогда не смотри бессмертным так бойко в глаза. Во-первых, это может провоцировать их, а во-вторых, они легко залезут тебе в память и прочитают о тебе всё возможное. А в худшем случае — просто сотрут её, и ты станешь овощем.

И, отпустив мой подбородок, он схватил меня за руку и снова потянул наверх. Я поняла, что мы возвращаемся в мою комнату.

Но от произошедшего я не могла прийти в себя. Я не ждала, что он так резко схватит и скажет такое. Распахнув дверь, он не пропустил меня — втолкнул внутрь, словно ненужную вещь. От неожиданности я споткнулась и рухнула на колени, разбивая кожу.

— Не создавай проблемы, Александра.

— А вам стоило бы быть более воспитанным, честно! — выпалила я.

Видимо, когда мне причиняют боль, я откладываю страх и забываю, от кого зависит моя жизнь.

— Я сказала правду: у меня не осталось воды… посмотрите, я — человек! Это вы, бессмертные, можете не умирать, а я умру! Более того, без воды у меня поднимется уровень сахара в крови. А если вы не в курсе — от сахара тоже умирают.

Про сахар я, конечно, зря соврала — просто знала, что люди, которые страдают из-за сахарного диабета, очень часто пьют воду. А сейчас мне нужна была какая-то защита. Поэтому вот, что мне пришло в голову.

— Не ври мне. И если бы с твоим телом было что-то не так, я бы сразу это заметил и почувствовал.

— Чего? Вы что, вампир? Откуда у вас способность чувствовать людей?

— Мы много лет следили за вами, помогали вам.

— Да-а, а потом уничтожили наш мир под ноль, так ведь? И бросили нас, не исправили свои ошибки! Вместо того чтобы помочь людям выжить, вы заставили нас сражаться с монстрами и зараженными! — прошипела я сквозь зубы.

— Что за вздор? Если бы бессмертные не остановили это — неизвестно, что стало бы с нашим миром. Возможно, вас бы вообще не стало.

— А, по-вашему, лучше всю жизнь жить в страхе? Сражаться с теми, кто гораздо сильнее вас, когда у вас нет ни одного шанса? Так лучше, когда убивают всех ваших близких? Когда место, которое вы любили, либо затопило, либо вымерзло, либо вообще исчезло? Когда люди должны воевать между собой за еду? Так лучше жить, по-вашему?

— Люди должны научиться справляться с самими собой!

— Это вы виноваты, а, значит, должны понести ответственность!

— Это бессмысленный спор и разговор. Я найду Ирину и скажу, чтобы она принесла тебе воды. А ты не вздумай больше выходить из этой комнаты. Не все бессмертные так благородны, как я. Если ты попадёшь на глаза Тарендис, он просто убьёт тебя.

— А кто тогда будет переводить книгу?

— Знаешь, Александра, может, для тебя это и новость, но кроме книги у нас хватает и других проблем. Вполне вероятно, что до книги мы просто не доберёмся: намечается новая война. Кто в ней победит — неизвестно. А если не мы — ни в твоей жизни, ни в твоей книге смысла не будет.

Его холодный взгляд пригвоздил меня к стене. Почему-то именно с ним я ощущала себя совсем маленькой — такой, которая не способна вообще ни на что. Казалось, он нашёл во мне самое тёмное. Но оттого что это ещё не конец, и будет новая война, мне стало любопытно. С кем она будет? С нами, смертными? Или это коснётся только бессмертных?

Когда он уходил, его взгляд скользнул по моей разбитой коленке. Так мимолётно, что я не поняла: взглянул он на неё или мне показалось. Затем дверь закрылась.

А я рухнула на кровать. Что за странные ощущения я испытываю, находясь рядом с ним? Словно всю душу выворачивают. Надежда на то, что жизнь когда-нибудь наладится — детская мечта. Я не выдержала. Потекли слёзы. Я вовсе не сильная, и никогда не считала слёзы признаком слабости. Задержись Сариэль хоть на секунду, ему пришлось бы меня успокаивать. Хотя, зная его, он бы просто хлопнул дверью.

До утра я не сомкнула глаз, пытаясь успокоиться. Когда дверь отворилась, я притворилась спящей. По стуку каблуков я узнала Ирину. Потом послышался негромкий стук — кувшин поставили на стол. Дверь закрылась. Я пролежала ещё несколько часов, не двигаясь, притворяясь спящей. Колено заныло и зачесалось. Похоже, кожа была содрана до крови.

Спустя какое-то время дверь снова открылась, и на пороге возник старец. Я уже не стала притворяться.

— Здравствуйте, вы кто?

Его белые крылья точно давали понять, что он ангел.

— Приветствую. Меня прислал к тебе Сариэль. Ты травмирована? Позволь мне взглянуть.

Его облачение, напоминавшее священническое, подтвердило, что он врач.

— У меня нет травм. И передайте Сариэлю, что мне не нужны его подачки и забота. Он вдруг решил проявить участие?

— О, дитя мое, как я вижу, Сариэль пришелся тебе не по нраву.

— Странно, что он вам всем угождает.

— Он — наш Серафим. Благодаря ему мы все еще живы. Тебе же известно о двух войнах, которые он сумел прекратить, одержав победу. А это бесценно.

— Да, но победа была достигнута не одним Сариэлем.

— Сариэль — предводитель. Он указывал путь и первым принимал на себя любой удар. Пусть характер его сложен, но он не лишен достоинств.

— Как яро вы его защищаете.

— О, дитя, я знаком с ним с тех пор, когда он стал таким.

Старец разложил на столе инструменты, тщательно вытер руки влажным полотенцем, готовясь к осмотру.

— Вы знали Сариэля до того, как он стал Серафимом?

— Я знал его ребенком. Ребенком, на чью долю выпало немало испытаний.

— Знаете, если вы намерены внушать мне, какой он бедный и несчастный, то я не из тех дурочек. Виной его черствости стал он сам, а не обстоятельства. Виноват он, и только он. Терпеть не могу, когда чью-то жестокость оправдывают тяжелым прошлым. У меня у самой

жизнь не сахар, но я не позволяю себе срываться на других. А он… бессмертный сегодня вдруг озаботился…

— Это не забота. Он… просто осознал свою вину и пытается ее загладить.

— Конечно, этот чёрствый чурбан уж точно не способен на раскаяние.

Лекарь приблизился.

— Что болит?

— Вчера, по милости вашего ненаглядного Сариэльчика, я повредила колено. Ничего серьезного — думаю, просто ссадина.

Я закатала штанину и увидела огромный синяк. «Интересно, как бессмертные собираются это лечить? — промелькнуло у меня в голове».

Но лекарь не смутился. Подойдя ближе, он положил ладонь на мое колено. «Ясно, сейчас начнет нашептывать заклинания, — подумала я». И вдруг боль отступила. Я взглянула на его руку и увидела исходящее от нее слабое синее сияние. Когда он убрал ладонь, синяк исчез сам собой.

— Что? — вырвалось у меня. — Как?.. А, ну да, у вас, бессмертных, есть сила исцеления.

— Ты много знаешь о бессмертных?

— Я когда-то жила с одной девочкой, она тоже была ангелом.

— Странно. Бессмертные обычно не вступают в близкие отношения со смертными.

— Мы, смертные, слишком многого хотим. Не так ли?

— Нет, дитя, я считаю, что бессмертные и смертные должны существовать в гармонии. Но сейчас не об этом. Тебя ждет Сариэль… Я провожу тебя в его кабинет. Речь пойдет о переводе книги. Дам тебе время подготовиться.

— Подготовиться? — переспросила я. — Он что, думает, я стану наряжаться для его приема? Нет уж. Какая есть, такая и есть. Идемте.

4 глава

Я вскочила. Лекарь снова вздрогнул. Я шагнула к двери, но спокойный голос остановил меня.

— Погоди-погоди, торопыжка. Дай старику собраться.

Я замерла, слегка смутившись. Он неторопливо сложил свои инструменты в кожаную сумку, и только тогда его мудрый, внимательный взгляд поднялся на меня.

— А как мне вас называть? — спохватилась я. Логично, что моё имя мог назвать только Сариэль.

— Дедушка Ли. Меня все так зовут.

— Ясно.

— Прямой нрав… — задумчиво протянул он, как бы разглядывая не только моё лицо, но и что-то за ним. — Редкое качество в нашем мире хитросплетений. Особенно для смертной. В нём есть искра, знаешь ли. Неосторожная, обжигающая, но… честная. Как чистый спирт на рану — и щиплет, и лечит.

— О чём вы? — я нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

Дедушка Ли мягко улыбнулся, и у его глаз углубилась сеть морщин.

— Просто наблюдаю. Ты удивительно… несгибаемая. Для той, кто потеряла всё и оказалась в клетке среди существ, чью силу даже не способна постичь.

Большинство на твоём месте или сломались из-за страха, или притворились бы покорной тенью. А ты стоишь и огрызаешься на самого Серафима.

— Глупо?

— Возможно. Но в этой глупости есть отчаянная смелость, которую я давно не видел. Вы с ним даже похожи.

— Вы сказали, я похожа на него. Это шутка? — я не смогла сдержать раздражения.

— Нисколько, — он поднялся, взял свою сумку и сделал шаг к двери, приглашая последовать за ним. Мы вышли в прохладный коридор. — Видишь ли, Александра, внешне вы — противоположности. Он — лёд, ты — пламя. Но лёд бывает твёрже стали, а пламя может гореть ровно и упорно. В вас обоих есть эта… непоколебимая сердцевина. Упрямство, если быть точнее. Только у него оно закалено веками и обнесено стенами, а у тебя — открытое, как свежая рана. Он свою суть прячет. Ты свою — выставляешь напоказ. А источник, пожалуй, один — отказ смириться.

Мы шли медленно, его шаги были неторопливы, но уверенны.

— А почему он… такой? Холодный? — спросила я, понизив голос, хотя вокруг никого не было.

Дедушка Ли вздохнул, и его взгляд стал отстранённым, словно он смотрел вглубь времени.

— Сариэль… Он несёт бремя, под которым гора бы треснула. Быть Верховным Серафимом — это не о власти. Это о вечной ответственности. За каждый закон, за каждую жизнь в цитадели, за границу между нашим миром и Тьмой. Когда на тебе лежит вечность, спонтанность и горячность — роскошь непозволительна. Его холод — не отсутствие чувств. Это… контроль. Железный обруч, стянутый вокруг бури. Я видел его в иные времена… — лекарь на мгновение замолчал, словно решая, стоит ли продолжать. — Видел, как этот «холодный» ангел сутками не отходил от постели умирающего солдата-юнца, хотя того уже нельзя было спасти. Просто чтобы тот не умирал в одиночестве. Видел, как он молча брал на себя чужую вину, лишь бы не было раздора среди своих. Его нрав — щит. И панцирь. Порой мне кажется, он и сам забыл, что под панцирем осталось живое существо.

— Звучит… одиноко, — невольно вырвалось у меня.

— О, да. Одиночество — его неизменный спутник. Он не может позволить себе быть «просто Сариэлем» почти ни с кем. Отсюда и отстранённость. Дистанция — его способ не причинять боль другим и не чувствовать её самому, когда придётся принимать жёсткие решения. Смертные для него — хрупкие свечи на ветру. Он видит, как легко вас задуть, и потому его кажущаяся жестокость — последняя попытка оттолкнуть, чтобы уберечь. Как он пытался оттолкнуть Анжелику.

— Скажите, Дедушка Ли, а кто такая Анжелика? Это его девушка?

— Нет. Хотя влюблена в него по уши.

— Ну и дурочка, — вырвалось у меня. — Она же видит, как он к ней относится.

— Влюблённые сердца склонны не замечать очевидного. Бессмертным влюбляться опаснее, чем смертным.

— Это почему?

— Вы, смертные, из-за краткости жизни хватаетесь за каждое чувство, живёте им — и это прекрасно. Но чувства переменчивы. А если бессмертный полюбил… от этого уже не отказаться. Сариэль с первого дня предупреждал её. Она не послушалась.

— А вы откуда всё знаете?

— Раньше она часто приходила ко мне. Хотела, чтобы я исцелил боль в ее сердце. Но я лечу тела, а не души.

— С Сариэлем не пытались поговорить?

— Он сам пытался держать с ней дистанцию. А когда понял, что сводит её с ума, сделал послабление. Вот она и ходит хвостом. Ты только не обижайся на неё. Любовь затмевает разум.

— Не беспокойтесь. Просто вела себя как напыщенный павлин.

— А ты, я смотрю, смелая.

— Меня обычно «без царя в голове» называют.

— Смелость — лезвие с двумя остриями.

Мы приблизились к массивной двери библиотеки.

— Так что не суди его слишком строго, Александра, — заключил Дедушка Ли, и в его глазах мелькнула грустная доброта. — Под этой маской изо льда бьётся сердце, которое, возможно, чувствует куда больше, чем моё, старческое. Оно просто истончено до предела. И помни: если он проявляет к тебе хоть тень терпения — значит, разглядел в тебе ту самую сердцевину. Для него это… необычно. Теперь ты не просто смертная, ты — интересная загадка. А с загадками он не торопится расстаться.

Он отворил дверь, и передо мной снова открылось книжное царство. Но теперь, слушая тихие шаги Дедушки Ли позади, я смотрела на сидящую в кресле невозмутимую фигуру уже немного другими глазами. Не с меньшим раздражением, нет. Но с зарождающимся пониманием, что за этим холодным фасадом скрывается история, о которой я ничего не знаю.

За дверью была небольшая прихожая, но за ней… Я ахнула.

Громадное пространство, уходящее ввысь. Стеллажи терялись где-то в полумраке под потолком. Тысячи книг. Не только труды бессмертных, но и человеческие — философия, история, романы. Кажется, здесь собраны все знания мира.

Я замерла, забыв обо всём. После Апокалипсиса интернет, телевизоры, соцсети — всё кануло в лету. Книги стали моим убежищем. И теперь передо мной был мой собственный рай. Ну, кроме одной занозы в самом его центре.

Дедушка Ли склонил голову в сторону кресла.

— Серафим, я привёл её. Колено в порядке.

И, кивнув мне, удалился.

Мой взгляд столкнулся с непроницаемым взглядом Сариэля.

— Неужели совесть заела? — сорвалось с губ прежде, чем я подумала.

Его глаза, холодные как осколки льда, сузились.

— Совесть? Ты ушиблась по собственной неуклюжести.

— Если бы вы меня не швырнули, я бы не ударилась!

— Я предупреждал. Ты еще легко отделалась. Будь на моём месте другой… — он не договорил, но смысл был понятен.

Внутри у меня всё заскрипело. «Вот же напыщенный… Ладно, ради книг можно и потерпеть».

— Ты смогла перевести книгу? — его голос вернул мне ощущение ледяного душа.

— Я, по-вашему, вундеркинд, что ли? За один вечер перевести всё? Там листов на всю мою жизнь хватит!

— Но так поторопись, — его голос прозвучал тихо и опасно, — чтобы твоя жизнь не оказалась настолько короткой.

Он сидел в глубоком кресле, откинувшись, закинув ногу на ногу. Поза правителя, привыкшего к повиновению.

— Я перевела в книге первые две страницы. Там сказано, что метисы — это и есть баланс. И ещё написано о некой Создательнице. Но кто она, я не знаю. Говорят, мать… Светлого Бога? Или как его там?

— И его брата.

— Ну, вам виднее. Не я же веками живу.

— Да-а, ты сейчас так изящно мой возраст подчеркнула, — он едва заметно покачал головой. — И что про Создательницу сказано?

— Ну, до этой главы я ещё не дошла.

Сариэль выдохнул — не шумно, но с таким ощущением, что я его окончательно разочаровала.

— Ну, я же стараюсь! — не выдержала я. — И вообще, у меня просьба есть.

— Какая? — он поднял на меня любопытный взгляд.

— А можно я из этой библиотеки буду брать книги и читать их? Просто мне тяжело переводить книгу, не зная контекста. Я не могу быть уверена, что правильно понимаю смысл.

— А у тебя времени хватит, чтобы и книги читать, и секретную книгу переводить? — он потер переносицу с явной усталостью и раздражением.

— Ну, вообще-то, может тогда вы мне рассказывать про всё это будете. Или давайте я буду вам пересказывать прочитанное, а вы мне будете объяснять, что это? — огрызнулась я.

Он замер, и его ледяной взгляд стал пристальным.

— Что ж, ты права. Так и сделаем. Это ускорит процесс.

«Вот дура! — промелькнуло у меня в голове. — Ну вот, кто меня за язык тянул? Сидела бы в своей комнате спокойненько и не видела этого прохвоста!»

— Да я же пошутила! Я и сама справлюсь, не хотите…

— Нет, — холодно перебил он. — Ты будешь приходить ко мне. Переводить. А книги можешь брать. Главное — старайся не шататься по коридорам одна.

— Такое ощущение, словно вы боитесь, что меня и правда кто-то убьёт.

— Александра, — моё имя прозвучало из его уст как предупреждение, — бессмертные — опасные существа. И к смертным они относятся крайне предвзято. Я знаю, ты по натуре очень…

— Какая? Храбрая?

— Правильное слово — безбашенная, — мрачно подсказал он. — Ты не до конца осознаёшь, что происходит. Поэтому я дам тебе охранника. Он будет сопровождать тебя. Постарайся без него не шататься.

— А вы, пожалуйста, обеспечьте меня запасами еды, чтобы я не «шаталась» где попало.

— Ах, да. Касаемо побега… Из цитадели не так легко сбежать. Единственный выход — окно.

— Очень красиво сказали, — огрызнулась я. — Я поняла, могу идти?

Меня остановил звук резко распахнутой двери. На пороге появился ангел с волосами цвета пшеницы, собранными в пучок. Его крылья трепетали от волнения.

— Сариэль, у нас проблемы.

Голос Серафима изменился в секунду. Со мной он говорил холодно, но сейчас в его интонациях не было и намёка на лёд — лишь сталь.

— Что такое, Дино?

— Псы тьмы вторглись на нашу территорию, взяв наших в заложники. Предлагают обмен, но всё выглядит как ловушка.

Взгляд Сариэля стал острым, собранным. Было видно, как в его голове уже выстраиваются ходы.

— Александра, ступай в комнату. Сейчас же.

Фраза была адресована мне, но он даже не взглянул в мою сторону. Спорить я не стала — у Владыки и без меня проблем хватало. Я ретировалась.

Однако одна мысль не давала покоя: дверь. Вечером она была заперта. Ночью — открыта. Если Сариэль настаивал на моём заключении, он приказал бы запереть меня. Значит, это сделал кто-то другой.

Почему-то в этой ситуации я склонна была верить Сариэлю. Как бы я ни храбрилась, против бессмертного я — ничто.

Решив не искушать судьбу, я взялась за перевод. Следующая страница шла тяжелее. Там говорилось о Создательнице, что породила первых бессмертных ради равновесия. Упоминалась женщина — первый ангел, сошедшая на землю. Дальше я застряла, встретив в книге слишком много незнакомых слов. Придётся спросить у Сариэля.

Только я собралась встать, как в дверях появилась Ирина. Её локоны были убраны в тугой хвост, а выражение на лице отражало только высокомерие. Она молча поставила ужин и вышла. Видимо, Серафим её отчитал.

Открыв миску, я снова увидела ту же безвкусную похлёбку. День за днём — одно и то же. С трудом сделав три глотка, я отодвинула её. Бессмертному, видимо, срочно требуются уроки кулинарии.

В ванной меня ждало единственное утешение — большая, глубокая ванна. После жизни в секте, где мылись в общих источниках, это был рай. Я одна в теплой ванне.

Я надела просторную рубашку, явно не моего размера, и идеально сидящие брюки. Видимо, с моей грудью создатели одежды просто не посчитались.

Сон почти одолел меня, когда где-то внизу грохнуло. Не настолько, чтобы испугать, но достаточно, чтобы насторожиться.

Дверь, к моему счастью, снова не была заперта. На моём этаже царила тишина. Я спустилась на несколько пролётов вниз. Оттуда доносились крики. По коридору метались лекари в накидках. Среди них суетился Дедушка Ли. Я поняла, что война, из-за которой все так обеспокоены — не просто слова.

И среди этой суматохи неподвижно стоял Серафим. Он холодным взглядом окидывал подчинённых.

Затем резко развернулся и бесшумно направился вглубь коридора. За ним, как тень, последовал Дино. Им навстречу почти бегом шла Карина. Они о чём-то спорили, но Сариэль, даже не обернувшись, одним резким жестом заставил их замолчать.

Пока он говорил, взгляд его прошёлся по залу и нашёл меня. Чутьё хищника. Он чуть нахмурился. Я кивком показала, что ухожу. В ответ — едва заметный кивок. Так, чтобы заметила только я.

Я вернулась в комнату. Интересно, что это за война? Надо узнать об этом мире больше.

Утро подкралось незаметно. На столе уже ждал завтрак. Ирина появлялась всё реже, и я всё чаще задавалась вопросом: может, бессмертные и правда не питают к людям особой любви?

Позавтракав, я села за перевод. В окно ярко светило солнце. Настоящее или магия я не знаю, но с ним жить было веселее.

Внезапно дверь резко открылась. В комнату вошла Ирина.

— Тебя ждёт Сариэль. Идём со мной.

Не дожидаясь ответа, она развернулась.

У дверей его кабинета Ирина пропустила меня вперёд и почтительно возгласила:

— Господин, я привела её.

Она склонилась в поклоне, глядя на него сияющими глазами.

Сариэль не поднял головы от бумаг.

— Хорошо. Можешь идти.

«Ну и тёплый приём, — мысленно усмехнулась я».

Я сделала несколько шагов вглубь кабинета. На лице Ирины застыла гримаса ужаса.

«Что… я что-то не так сделала? Но если он для них — король, то для меня — нет»…

Сариэль поднял на меня взгляд. Его голубые глаза, холодные, как горное озеро, встретились с моими. Он тяжело вздохнул.

— Выйди, — повторил он чётче.

Шокированная девушка выскользнула за дверь.

— Я что-то сделала не так? — спросила я.

— К Серафиму не подходят, пока он не дал разрешения, — отчеканил он, не отрываясь от документов.

— А я откуда должна об этом знать? И вообще, я подошла не к Серафиму, а к тебе.

Сариэль медленно поднял голову. Его изучающий взгляд замер на мне.

— Александра, я допускаю, что ты обращаешься ко мне на «ты». Но не забывай: я — Верховный Серафим. К моему статусу следует относиться с почтением. Хотя бы для того, чтобы другим не было повадно.

— Это вы меня сейчас… бестолковой назвали? И с чего вы вдруг стали говорить мне «ты»? Раньше всегда было «вы».

— Потому что я вижу в тебе нечто большее, чем просто смертную. Ты единственная, кто может перевести книгу. Ну, или, как у смертных говорят: дураком родился — дураком и помрёшь.

Его голос оставался ледяным.

— У нас много общего.

— Интересно, чего же? Любви? — я не смогла сдержать язвительности.

— Ты не путаешь любовь с ненавистью? — он слегка склонил голову набок. — Ибо, судя по твоим глазам, ненависти и презрения ко мне куда больше.

— Возможно, вы и правы, уважаемый Серафим, — я выдержала его взгляд. — Вы взвалили на себя тяжкий груз. Но не забывайте: это вы погубили мой мир.

Серафим решил промолчать. «Ну и молчи», — подумала я, положив книгу на стол, в нескольких шагах от него, и устроилась в кресле напротив, ожидая, когда он снизойдет до моего присутствия. Он продолжал писать, перо скользило по пергаменту с монотонным шелестом. Прошло время, наполненное лишь звуком его работы и моим почти неслышным дыханием.

Наконец, он поднял голову. Взгляд, лишенный тепла, скользнул по мне, будто оценивая незначительную деталь интерьера.

— Что у нас с переводом? — голос был ровным, без интонации, как удар ледяной крошки о камень.

На секунду я отвлеклась. Его профиль, освещенный холодным светом магических сфер, был безупречен и безжизненен, как изваяние. Ни век, ни тысячелетия не оставили на нём следов, лишь отполировали эту мраморную холодность.

— Я хотела спросить… у вас. Или у тебя? — поправилась я.

— Если ты не возражаешь, и мы уже выяснили, что… достаточно близки, — он произнес это слово с едва уловимой, сухой насмешкой, — то обращайся на «ты».

Я кивнула, собравшись с мыслями.

— В книге сказано: Создательница породила двух богов — Светлого и Тёмного. А сила их передавалась по наследству. Кроме них были и другие бессмертные, каждый отвечал за свою грань бытия. Все они хранили баланс. Но суть не в том, чтобы тьма ограничивалась тьмой, а свет — светом. Баланс — в тех, кто способен удержать обе стороны. То есть в метисах.

Сариэль отложил перо. Его пальцы медленно сплелись перед собой.

— Книга повествует о метисах… правильно, — его голос прозвучал отстраненно, будто он говорил о давно забытой теории. — Но долгое время они были под строжайшим запретом. Закон Жизни запрещал ангелам сходиться с демонами, а бессмертным со смертными. Но что-то этот порядок изменило.

— У темного бога не появился наследник, — продолжила я. — И его силой каким-то образом овладел Белиал.

Сариэль резко переменил позу, начав механически перебирать документы на столе. Тема явно была ему неприятна, но маска не сдвинулась.

— Сариэль, скажи, — не удержалась я, — почему случился апокалипсис? На Земле были лишь вспышки, но ведь у бессмертных шла своя война.

Он замер. Холод в его глазах сгустился, стал почти осязаемым.

— Александра, — мое имя прозвучало как предупреждение. — Ты считаешь, что бессмертные виновны в гибели твоего мира. Но мы тоже лишились дома. То, что ты видишь — не наша исконная Цитадель. У нас была другая жизнь. Светлая. Спокойная. А теперь все живут в страхе. Твой перевод поможет не только смертным. Но и нам. Глупо строить из себя врагов. Я буду защищать тебя, пока книга не будет переведена до конца. Твоя задача — быть со мной честной и искренней. Я не причиню тебе вреда. Не беспокойся.

На моих губах дрогнула усмешка.

— Ух ты. Звучит, как строчки из романтического романа, где после таких слов следует пылкий поцелуй, — я облокотилась на стол и попыталась поймать его взгляд. Хотела проверить, осталось ли в нём хоть что-то, что можно растрогать.

Бессмертный лишь хмыкнул, и уголок его идеального рта дрогнул на мгновение.

— Какая ты еще… — начал он.

— Какая? — перебила я.

— Наивная, — поправил он, и его палец лег на переплет лежавшей рядом книги. Затем он легким движением пододвинул её ко мне. — «История Ангелов и Падших». Изучи. Это поможет с переводом.

— Погоди, — я нахмурилась. — А зачем тогда я пришла? Ты же обещал объяснять!

— Пока ты не принесла ничего нового, а у меня много дел. Можешь возвращаться в свою комнату.

— Хорошо — фыркнула я, хватая книгу. — Пойду читать историю.

Я резко поднялась и вышла, чувствуя на спине его тяжелый, неотрывный взгляд. В нем было что-то… аналитическое. Не гнев, а, скорее, оценка. И в этом было что-то странно тревожащее.

* * *

Холодное перемирие после визита Дедушки Ли длилось недолго. Уже на следующий день наше вынужденное сотрудничество дало трещину.

Сариэль указал на древнюю бумагу, лежащую на столе между нами.

— Твой перевод второй главы содержит серьёзные смысловые ошибки. Ты перевела «гибель баланса» как «причина равновесия». В древнем языке это меняет всё. Одно — гибель, другое — сухой логический вывод.

Я, не выспавшаяся и уже три часа копошащаяся в пыльных словарях, почувствовала, как во мне закипает раздражение.

— Может, вы, о всезнающий, напишете для меня инструкцию? «Мёртвые языки за пять минут. Для начинающих». Я не лингвист-бессмертный. Я выживала в аду, а не учила грамматику.

Он даже не реагировал. Его пальцы ровно лежали на столе.

— Выживание здесь зависит от точности. От твоей точности. Ошибка в трактовке ритуала или свойствах артефакта может иметь катастрофические последствия. Я не могу допустить неточностей.

— А я не могу работать под таким давлением! — я вскочила, и стул с противным скрипом отъехал назад. — Вы смотрите на меня, как на неисправный инструмент, который вот-вот сломается. Каждый вздох, каждое сомнение — всё только подтверждает вашу мысль о том, какая я никчёмная смертная!

Впервые за время нашего общения его веки чуть дрогнули. Не эмоция, а, скорее, признак активной аналитической работы.

— Я не считаю тебя никчёмной. Негодный инструмент выбрасывают. А с тобой я говорю. Чаще даже спорю, — его голос оставался ровным, что бесило ещё больше. — Но твои методы хаотичны. Ты пытаешься понять историю древних пророчеств, не зная алфавита.

— А ваши методы — это душить всё живое! — я развела руками, указывая на грандиозную библиотеку. — Здесь тысячи историй, драм, надежд, а вы видите в них только набор данных для анализа! Может, в этом и есть ваша ошибка? Вы ищете ответы в сухих формулировках, а они, — я ткнула пальцем в злополучную книгу, — написаны кровью и страстью! «Создательница» — это не титул. Возможно, это крик души! А вы заставляете меня переводить это, словно ждёте бухгалтерский отчет!

Наступила тяжёлая тишина. Сариэль откинулся в кресле. Его поза по-прежнему была расслабленной, но в воздухе повисло напряжение.

— Страсть, — произнёс он наконец. Слово прозвучало в его устах холодно и отчуждённо. — Привела к падению целых династий. Кровь, которую ты так романтизируешь, залила поля сражений, которые я расчищал. Ты говоришь о драме. Я видел, как «драма» обрекает целые поселения на смерть. Твоя необузданная эмоциональность — роскошь. Которую я не могу себе позволить. И ты — не можешь. Не здесь.

В его словах не было злобы. Была усталая, беспощадная констатация факта. И это ранило глубже любой насмешки.

— Значит, я должна стать как вы? Холодным роботом, который боится собственных чувств?

— Я не боюсь их. Я ими управляю. И предлагаю тебе научиться тому же. Иначе ты сгоришь. И не метафорически. Силы, о которых идёт речь в этой книге, не прощают сантиментов.

Мы смотрели друг на друга через стол. Я — сбитая с дыхания, с горящими щеками. Он — неподвижный, и только стальные глаза следили за каждым моим движением. Это был конфликт не двух людей, а двух вселенных: спонтанной, жаждущей жизни и выверенной, отгородившейся от неё ради выживания.

— Хорошо, — выдохнула я, сжимая кулаки. — пусть будет, как вы хотите. Дайте мне правила. Чёткие, ясные. Алгоритм. Как вам угодно. Но тогда и вы примите моё условие.

Его бровь почти невидимо поползла вверх.

— Какое?

— Когда я спрашиваю о контексте: почему это написано, что люди чувствовали, о чём мечтали — вы не отмахиваетесь. Вы объясняете. Говорите не только «что», но и «зачем». Иначе это не сотрудничество. Это диктатура. А против диктатуры, — я посмотрела ему прямо в глаза, — я, как вы правильно заметили, умею огрызаться.

Уголок его губ дрогнул. Настолько незаметно, что можно было это принять за игру света.

— Ты требуешь уроков истории и психологии древних цивилизаций.

— Я требую понимания! Без него мои переводы так и останутся «критически ошибочными»!

Он молчал несколько долгих секунд, его взгляд скользнул по стопкам моих черновиков, испещрённых пометками, стрелочками и отчаянными вопросительными знаками на полях.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Правила будут к вечеру. Что касается контекста… — он встал, подошёл к одному из ближайших стеллажей и с невероятной точностью вытащил с полки неприметный том в потёртом переплёте. — Это хроники очевидца той эпохи, о которой идёт речь во второй главе. Личные записи. Не канонический текст. В них есть… субъективные впечатления.

Он положил книгу передо мной. Это был невероятный жест. Уступка. Признание, что мой метод, каким бы хаотичным он ни был, тоже имеет право на существование.

— Спасибо, — выдавила я. Внутри всё ещё боролись злость, обида и странное, новое чувство — уважение к его строгости.

— Не благодари, — холодно парировал он, возвращаясь на своё место. — Это не подарок. Это стратегическая необходимость. Эффективность нашего сотрудничества должна возрасти. Теперь, — он вновь упёрся в меня взглядом, — исправь ошибку в третьем абзаце. И объясни своё первоначальное решение. Мне нужно понять ход твоей мысли, чтобы предугадать будущие погрешности.

И так мы установили постоянный график. Сариэль приказал приходить к нему каждый день для проверки моего перевода, и заканчивалось всё одинаково. Конфликты не были исчерпаны. Они были переведены в новую плоскость, из противостояния «огонь против льда» превратившись в сложное, напряжённое партнёрство, где каждое слово, каждый жест были одновременно вызовом и попыткой найти общий язык. Лёд Сариэля не растаял, но в нём появилась трещина — узкий канал для диалога, а моё пламя, хоть и не угасло, теперь было вынуждено научиться гореть не просто ярко, а целенаправленно. Мы не стали ближе, мы стали… острее. И осознание того, что предстоящая работа будет постоянной битвой на истощение, где придётся отстаивать каждую крупицу своего понимания, заставило меня сжать зубы. В последнее время меня раздражало всё — совершенно нормально перед новой вспышкой. Ещё до апокалипсиса мне поставили расстройство, регулировать которое я могла с помощью таблеток, но естественно, сейчас их нет.

Неделя спустя

Напряжение копилось, как статическое электричество перед бурей. Поводом на этот раз стала не я, а кто-то другой. Вернее, что-то другое.

Я сидела, уткнувшись в словарь, когда в библиотеку, не постучав, влетел молодой ангел с перевязанной рукой и лихорадочным блеском в глазах.

— Серафим! Прошу аудиенции! Это не может ждать!

Сариэль, не отрываясь от карты с тактическими отметками, которыми он занимался параллельно моему переводу, лишь слегка повернул голову.

— Ты нарушаешь порядок, Кая. Войди и доложи как положено.

— Но это о метиске! О той, что в темнице! — выпалил ангел со страхом в голосе.

Я замерла, почувствовав ледяную волну, исходящую от Сариэля. Он медленно поднял глаза.

— Ты говоришь о заключённой Эмилии? Её статус и дело обсуждаются в Совете. Ты не в праве…

— Она умирает! — перебил его Кая. — Лекари говорят, что её раны не могут восстанавливаться. Обычные методы не помогают! А вы… вы отказываетесь использовать красный пепел! Вы обрекаете её на мучения!

Сариэль встал. Его движение было плавным, но в нём чувствовалась такая мощь, что даже я инстинктивно отодвинулась.

— Красный пепел — зелье чрезвычайной силы. Его применение непредсказуемо и может нарушить магический баланс. Если она выбрала сторону темного бога, мы поставим под угрозу сотни других бессмертных. Решение Совета основано на анализе рисков.

— Это не анализ, это холодный расчёт! — крикнул ангел. — Она сражалась за нас! Попала в плен к Псам и выдержала пытки, не выдав расположения Цитадели! А теперь вы задумываетесь о рисках?!

Я не выдержала. Слова сорвались с губ прежде, чем я успела подумать:

— Вы что, действительно отказываетесь помочь той, кто вас защищала? Это же… бесчеловечно!

Всё затихло. Кай с ужасом посмотрел на меня, поняв, что впутал смертную в разговор с Серафимом. Сариэль повернулся ко мне. Его лицо было ледяной маской, но в глубине глаз бушевала настоящая буря.

— Ты, — произнёс он с убийственной мягкостью, — не имеешь ни малейшего понятия, о чём говоришь. Выйди.

Но меня уже занесло. Я встала, опираясь руками о стол.

— Нет! Я всё поняла! Вы — блестящий тактик, верно? Взвешиваете «риски» и «пользу». Одна жизнь против «баланса». Удобно, да? Особенно, когда на кону не ваша жизнь. Вы видели, как она умирает? Или вам принесли бумажку, где её боль — «приемлемые операционные потери»?

Кай побледнел как полотно. Сариэль сделал шаг вперёд, и пространство между нами словно сжалось, наполнившись морозным электричеством.

— Тебе стоит сейчас помолчать. Ты не знаешь историю этой метиски. Не знаешь, что её преданность ставилась под сомнение. Не знаешь, что «Красный пепел» три века назад при неосторожном применении стёр с лица земли целый квартал вместе со «спасёнными». Твоё мнение, основано на наивном представлении о справедливости, а здесь — это опасный шум.

— А ваше мнение, основанное на цинизме, — это приговор! — парировала я, чувствуя, как трясутся колени. — Вы так боитесь любого риска, что готовы заморозить всё живое вокруг! Вы говорите о долге и ответственности, но где ваша ответственность перед той, кто отдала за вас часть своей жизни?!

Он оказался передо мной в один миг. Не приблизился — возник. Его рука сжала край стола рядом с моей рукой так, что древнее дерево треснуло.

— Я несу ответственность за каждого в этой цитадели! — его голос впервые сорвался на низкую, хрипящую грань, в которой плескалась вся накопленная за века ярость и тяжесть. — За Кая, который сейчас готов броситься на меч из-за чувства вины! За лекарей, которые могут погибнуть, если магия метиски выйдет из-под контроля! За сотни других, чьи жизни тоже будут на кону! Я должен выбирать наименее ужасный из плохих вариантов! А не тот, что успокоит чью-то совесть или покажется «правильным» в сказке! Ты думаешь, мне легко подписывать такие приказы? — в его глазах, вплотную приблизившихся к моим, мелькнуло что-то жуткое и обнажённое. — Ты думаешь, я не вижу её лица каждый раз, когда закрываю глаза?!

Он отшатнулся, будто его обожгло, и резко выпрямился. Дышал он тяжело, как загнанный зверь, но через секунду железный контроль вернулся, и лицо вновь стало непроницаемым.

Кая стоял потрясённый, со слезами на глазах. У меня же земля уходила из-под ног. Я нападала на него, видя лишь одну сторону трагедии. А он нёс на плечах все сразу.

— Убирайся, Кая, — тихо, но неоспоримо приказал Сариэль. — И передай главному лекарю: я разрешаю применение Красного пепла. Начните подготовку немедленно.

— Серафим… — прошептал бессмертный.

— ВЫПОЛНЯЙ ПРИКАЗ!

Кая выскочил из библиотеки. Мы остались одни. Вокруг давила густая тишина.

— Вы… вы изменили решение, — тихо сказала я.

— Нет, — холодно ответил он, глядя куда-то мимо меня. — Я пересмотрел расчёт рисков. Твоя эмоциональная вспышка была лишь показательным фактором. Она, однако, наглядно продемонстрировала, как быстро неконтролируемое сострадание превращается в самоуверенное невежество, способное подорвать дисциплину. Ты публично усомнилась в решении Серафима перед подчинённым. Этого я допустить не могу.

Мне стало стыдно. По-настоящему, жгуче стыдно.

— Я… я не хотела подрывать ваш авторитет. Я просто…

— Ты просто увидела чужую боль и потребовала её немедленно устранить, не думая о последствиях. Это детский подход к миру взрослых трагедий, — он, наконец, посмотрел на меня. Взгляд был до жути уставшим. — Завтра на рассвете ты отправишься со мной. И поприсутствуешь при подготовке. Увидишь, сколько людей будет рисковать жизнями ради одной. И, возможно, поймёшь разницу между дешёвым пафосом и настоящей ценой решения.

— Хорошо, — кивнула я, не в силах выдержать его взгляд.

— И ещё одно, — добавил он, возвращаясь к своему креслу, но больше не садясь в него. — Если ты когда-нибудь снова позволишь себе публично оспорить мой приказ, наши «партнёрские» отношения закончатся. Ты будешь переводить книги в запертой комнате под круглосуточной охраной, без права выхода и без права голоса. Понятно?

Это был ультиматум.

— Понятно.

— Тогда иди. Тебе нужно готовиться. Ритуал начнётся с рассветом.

Я вышла, чувствуя, как смешались в душе жгучий стыд, горечь и странное, новое чувство — не уважение, а скорее признание. Признание того, что его ноша настолько чудовищна, что даже холод — лишь тонкая корка на кипящей магме ответственности. Мы снова оказались по разные стороны. Но на этот раз я увидела: на его стороне не равнодушие, а адская кузница, где каждое решение выковано из огня невозможных выборов. И этот ад был страшнее, чем я могла представить.

5 глава

Холод каменных стен здесь въедается в кости иначе. Он не просто морозный, а тяжёлый, спёртый, пропитанный годами отчаяния и боли. Я шла за Сариэлем по узкому коридору, стараясь не смотреть в темноту за ржавыми прутьями. Но взгляды впивались в меня, колючие, полные ненависти или пустого безумия. Воздух пах ржавчиной, испариной, мокрым камнем и чем-то сладковато-гнилым, от чего мутило.

Он остановился перед чем-то, что было не то камерой, не то нишей в скале. За решёткой прикованная к стене сидела она. Эмилия. Чёрные, как смола, прожилки ползли по её шее и пульсировали. Её крылья были скрючены, но взгляд… он был острым, яростным и абсолютно живым. В ней жило то самое упрямство, которое, по словам Дедушки Ли, роднило нас. Только теперь оно было искажено болью и чёрной заразой, став чем-то чужим и опасным.

Рядом с решёткой стоял молодой лекарь. Бледный, он нервно перебирал ампулы на поясе. В одной руке уже был шприц, заполненный веществом, что светилось изнутри тревожным багровым светом. Красный Пепел. От одного взгляда на него по спине пробежали мурашки.

— Состояние критическое, Серафим, — голос лекаря дрогнул. — Протокол предписывает…

— Делайте, — прозвучал ровный, безразличный голос Сариэля. Он стоял в стороне, его лицо в полумраке было похоже на маску из тёмного мрамора. За всем происходящим он наблюдал как за экспериментом.

Лекарь, стараясь не смотреть Эмилии в глаза, быстрым движением ввёл ей содержимое шприца в шею.

Сначала ничего не произошло. Потом она вздрогнула, словно её ударило током. Тело начало биться в конвульсиях, цепи загремели о камень. Чёрные прожилки трескались и осыпались, но кожа под ними не возвращалась к нормальному цвету, она светилась изнутри багровым, жидким, болезненным светом. Этот свет сочился из её кожи, из глаз, из-под ногтей. Она закричала. Но это был не крик боли. Это был рёв. Рёв невероятной, распирающей изнутри силы.

С громким треском лопнули цепи. Одна. Вторая.

Лекарь не успел отпрыгнуть — было уже слишком поздно.

Её рука была уже не рукой, а нечто с длинными, изогнутыми когтями из того же багрового света. Это нечто пронзило решётку, будто той и не существовало, и вонзилось ему в грудь. Раздался хлюпающий, мокрый звук, который я услышала слишком отчётливо. На лице юноши застыло чистое недоумение. Он посмотрел вниз, на свою окровавленную форму, потом на искажённое багровым светом лицо Эмилии. И захрипел.

В тот самый миг, когда её рука пронзила решётку, Сариэль двинулся. Не тогда, когда цепи лопнули. Не тогда, когда она закричала. Ни вспышки гнева, ни боевой стойки. Просто шаг вперёд. Быстрый, точный, неотвратимый. Его рука мелькнула в воздухе. Я даже не увидела удара. Услышала короткий, сухой хруст.

Рёв оборвался, и багровый свет в глазах Эмилии погас, как задутая свеча. Её тело, всё ещё пронзающее лекаря, обмякло и рухнуло на пол, увлекая его за собой. Они застыли в странном, ужасном объятии, а по камню медленно растекалась лужа крови, чёрная в этом тусклом свете. Тишина наступила давящая, абсолютная, и в ней слышалось только ровное, чуть различимое дыхание Сариэля, который стоял над ними, слегка склонив голову, будто проверял качество работы. Ни тени сожаления на его лице. Ничего. Просто факт.

Потом он медленно повернулся ко мне. Я чувствовала, как холод от стены, к которой я инстинктивно прижалась, проникает сквозь одежду. Но это было ничто по сравнению с ледяным оцепенением внутри. Я не могла оторвать взгляд от пустых, широко открытых глаз лекаря. Мальчишки. Он выглядел как мальчишка.

— Вот последствия, — произнёс Сариэль. Его голос вернул меня в реальность. — Твоё требование справедливости. Красный Пепел дает силу, но, если разум сломан, это легко приведет к гибели. Риск был оценён. Решение принято. Результат — перед тобой. Две смерти вместо одной.

Он развернулся и пошёл прочь. Его плащ скользнул по мрамору, не издав ни звука. Мои ноги, будто чужие, сами понесли меня за ним. В голове гудело. Картина с хлюпающим звуком и тем хрустом накладывалась одна на другую, снова и снова. **Мой голос. Мой вызов. Моя вина.**

Когда мы вышли из тюремного блока в пустой коридор, меня затрясло. Дрожь шла из самой глубины, сжимая горло и заставляя зубы стучать. Я обхватила себя руками, пытаясь остановить это, но безуспешно. Перед глазами снова встал взгляд молодого лекаря — шок, непонимание, а затем пустота.

Сариэль остановился. Он обернулся. Его взгляд, всё такой же пронзительный, на секунду задержался на моём лице и на руках, дрожащих от бессилия. Что-то в строгом выражении смягчилось. Не растаяло, а скорее потускнело, уступив место глубокой, немой усталости, которую он прежде не показывал до конца.

Он не сказал «всё будет хорошо». Не стал отрицать ужас произошедшего. Вместо этого он молча закрыл расстояние между нами. Его движение было не резким, а почти бережным. Одной рукой он мягко, но твёрдо притянул меня к себе, и моя дрожь утихла в тепле и незыблемом спокойствии его тела. Другая рука легла мне на затылок, не давая увидеть его лицо, но в этом жесте не было силы. Только странное, неловкое утешение. Он просто стоял, молчаливый и прочный, как скала, о которую разбивается шторм, и давал мне время собрать осколки себя. В этот момент мне показалось, что и ему это было необходимо.

— Дыши, Александра, — его голос прозвучал прямо над ухом, но тише и глубже, чем обычно. В нём не было привычного льда, только утомлённость. — Это не наказание, это урок. И ты должна это вынести. Иначе их смерти будут напрасны.

Он не отпускал меня, пока дрожь не сменилась глухим, тяжёлым спокойствием. Когда он наконец отстранился, его лицо снова обрело привычную сдержанность, но в уголках глаз осталась тень той усталости.

— Контроль — это не отсутствие чувств, — сказал он уже более привычным, ровным тоном, но теперь в его словах чувствовался отзвук только что произнесённой истины. — Это умение не дать им собой управлять. Пойдём. Тебе нужен покой. Работа подождет до завтра.

Он не повернулся сразу. На мгновение задержал на мне взгляд, словно спрашивая, смогу ли я идти. И в этом взгляде, в короткой паузе, в молчаливом признании, что и ему знаком груз неверных решений, была та самая едва уловимая, но настоящая доброта. Не мягкая, а сильная.

* * *

Я быстро добралась до своей комнаты, бросила книгу на кровать и, не раздумывая, выскользнула обратно. Мне хотелось спросить, могу ли я хоть иногда гулять. Останавливаясь в проеме лестницы, я услышала знакомые голоса.

— Серафим, не сильно ли ты строг с ней? — проговорил голос дедушки Ли.

— Она не в сказку попала, пускай привыкает, — ответил Сариэль.

— Но все же девочка совсем молода. Теперь этот груз она будет нести в себе.

— В следующий раз это может спасти ей жизнь. Она слишком бесстрашная.

— Может вам с ней нужно найти общий язык? Я думаю, вы во многом с ней похожи. Она совсем одна, и поэтому противится всему.

— Может быть.

Они направились куда-то вдаль, их голоса потихоньку стали затихать. Я решила, что все-таки надо узнать об этом месте побольше. Предупреждение Сариэля звучало в ушах, но любопытство и неприязнь к клетке оказались сильнее. Я спускалась по лестницам всё ниже, и каменные стены становились грубее, а в воздухе витал запах металла и пота.

На одном из нижних ярусов я обнаружила нечто вроде арсенала или казармы. Мечи, копья, доспехи — все говорило о постоянной готовности к войне. Вдалеке мелькнули фигуры солдат. Я прижалась к стене, но было уже поздно: я наткнулась на чью-то мощную грудь.

Подняв голову, я увидела бессмертного с кроваво-красными крыльями, похожими на кожистые перепонки летучей мыши.

— Ты кто такая? — процедил он со знакомым высокомерием в голосе.

— Прошу прощения, заблудилась, — поспешно ответила я, пытаясь проскользнуть мимо. — Я найду дорогу назад.

Но он схватил меня за шиворот с силой, против которой я была бессильна, и потащил вглубь зала, где находились другие — и ангелы, и демоны. Их взгляды, полные ненависти и презрения, впились в меня.

— Смотрите, какую крысу подобрал! — бросил демон, швырнув меня на каменный пол. Колени болезненно напомнили о себе.

— Я не крыса! — выпрямилась я, стараясь говорить громче страха. — Я просто ошиблась дверью!

— Ничего ты не ошиблась, — навис надо мной демон. — Сейчас расскажешь все, что успела высмотреть.

— Да ничего я не успела! Вам что, заняться больше нечем? — огрызнулась я с отчаянием, которое придавало смелости. И тут в голове мелькнула мысль. Та бессмертная подруга с Земли говорила: ангелы и демоны ненавидят друг друга лютой ненавистью. — Хотя… демонам, наверное, благодарностей не выписывают? Их же ангелы за равных не считают, — бросила я, глядя прямо на демона в доспехах.

— Что-о? — голос демона стал опасным, а глаза вспыхнули алым.

— Вообще-то, демоны сильнее, — кто-то из их рядов поддержал его, на что ангелы тут же отреагировали взрывом возмущения.

— Какая чепуха! Это ангелы несут благородную службу!

— Демоны знают, что их место в грязи! — поддержал другой ангел.

Напряжение нарастало, как перед грозой. Я прижалась к стене, готовая в любой момент рвануть к выходу. Моё слово стало искрой, упавшей в пороховую бочку. Первое оскорбление, ответная грубость — и столкновение стало неизбежным. Демоны с криком ринулись на ангелов. Вспыхнула схватка.

Именно этого я и ждала. На четвереньках я поползла к арке, сердце колотилось в горле. Но едва я выбралась из самого пекла, как снова уперлась в чьи-то ноги. На этот раз — в добротные, но поношенные сапоги.

Подняв голову, я замерла. Передо мной стоял бессмертный, чей облик заставил дыхание остановиться. Одно его крыло было белым, как снег, другое — черным, как смоль. Его волосы отливали мрачным багрянцем, а через лицо, от виска до скулы, тянулся шрам, забравший левый глаз. Невидящее око смотрело в пустоту, а живое — изучало меня с холодным, пронзительным интересом. Метис.

Он не проронил ни слова. Просто расправил крылья мощным, оглушающим движением. Воздух дрогнул, и по залу прокатилась испуганная тишина.

— Отставить! — его властный голос не требовал повторения.

Драка прекратилась. Ангелы и демоны, тяжело дыша, расходились по разные стороны, не сводя друг с друга ненавидящих взглядов.

— Из-за чего? — спросил метис, и его взгляд снова упал на меня.

Ангел и демон заговорили одновременно, обвиняя друг друга. Метис выслушал их пару секунд, затем одним жестом велел замолчать. Он подошел ко мне, наклонился и без лишних церемоний поднял меня за шиворот, поставив на ноги.

— Пойдем со мной, — сказал он просто, показывая своей хваткой, что выбора у меня нет.

Я покорно поплелась за ним, понимая, что бежать бесполезно. Он привел меня в маленькую каморку, заставленную картами и донесениями.

— Ты кто? — спросил он, опершись о стол.

— Александра. Я здесь… по поручению Сариэля. Просто заблудилась.

— Смертная. По поручению Серафима, — он усмехнулся, и шрам на его лице исказился. — Забавно. Мир перевернулся, а они всё удивляются, встретив смертную в своей крепости.

— Смешно, да, — процедила я сквозь зубы.

— С каких это пор Сариэль стал… опекуном смертных? — его единственный глаз сверлил меня.

— С тех пор, как… — я запнулась, собирая мысли в кучу. — С тех пор, как он осознал, что смертные могут быть полезны. Он сам об этом знает.

В дверь постучали, и позади возник молодой ангел-вестник.

— Господин Майкл, вас и… смертную, — в его голосе сквозило сдерживаемое презрение, — требует к себе Серафим.

Майкл. Имя отозвалось в памяти. Я уже встречала его в тех отрывочных переводах. Он не стал медлить, взял меня под руку с неожиданной для его вида учтивостью и повел следом за вестником.

— Что ты делаешь? — прошептала я, пытаясь высвободиться.

— Мне просто интересно, что такого нашла в тебе наша ледяная гора, что держит тебя так близко, — негромко ответил он. Усмешка его стала чуть живее.

Он вел меня быстро, что я едва поспевала. Заметив это, метис сбавил шаг и поправил хватку, чтобы идти было удобнее. Эта мелкая внимательность была обескураживающей. Мы вошли в кабинет Сариэля. Он уже не сидел за столом, а стоял у высокого окна спиной к комнате, и на фоне холодного света его фигура казалась чёткой и неприступной. Когда мы вошли, он медленно обернулся. Взгляд его, холодный и неумолимый, скользнул сначала по лицу Майкла, потом по мне и наконец остановился на его руке, всё ещё поддерживавшей мою. На долю секунды в воздухе повисла тишина.

Майкл свободной рукой сделал легкий, почти небрежный жест — не поклон, а скорее знак признания.

— Сариэль.

— Что произошло, Майкл? — голос Серафима был спокоен, но в этой тишине каждый звук резал слух. Я не сомневалась, что он уже знал все до мелочей.

— Пустяки. Ангелы с демонами в очередной раз выясняли, кто из них… ценнее. Все улажено.

— Когда я назначал тебя главой гарнизона, я ожидал, что ты обеспечишь порядок, а не будешь наблюдать за их склоками. Но, как я вижу, они по-прежнему готовы растерзать друг друга. И… нашу гостью, — его голос стал тише и от того опаснее. Он сделал шаг вперед. — Александра, познакомься. Майкл. Метис. Плод союза ангела и демона. Твоя тема, кажется.

— Да, мы… уже познакомились, — неловко вымолвила я.

— О, я не сомневаюсь, — Сариэль медленно вернулся к своему креслу и опустился в него, снова сложив пальцы домиком. Его внимание было приковано ко мне, будто бессмертного рядом не существовало. — Я также не сомневаюсь, что за сорок минут твоего отсутствия ты

успела познакомиться не только с Майклом, но и с половиной гарнизона. Мне доложили, что именно ты спровоцировала потасовку.

— Я не провоцировала! Меня схватили!

— А как ты оказалась на четыре пролета ниже положенного? Я ведь предупреждал: не шатайся в одиночку.

— Сариэль, успокойся, — мягко, но твердо вмешался Майкл. — Девушка, судя по всему, умеет постоять за себя. И неплохо манипулирует предрассудками.

Сариэль наконец перенес ледяной взгляд на метиса.

— Боже мой, — произнес он с ледяной, язвительной вежливостью. — Неужели у тебя здесь появился… защитник?

6 глава

— Сариэль, а ты хочешь эту малышку держать только возле себя? — подшутил Майкл.

За наше короткое знакомство я успела понять, что он большой шутник и, видимо, часто получает за свою болтовню. Но в этот раз шутка повисла в воздухе. Сариэль не спускал с меня оценивающего взгляда, словно я была виновницей всего происходящего. Отчасти так оно и было.

Не отводя от меня ледяных глаз, Сариэль с легким укором ответил:

— Смотрю, у тебя много свободного времени, раз ты перестал следить за солдатами. Напомню об отчёте — я до сих пор его не видел. А сейчас можешь идти. И впредь будь внимательнее. В следующий раз ты можешь не успеть, когда они перегрызут друг другу глотки.

Майкл сглотнул.

— Как скажешь, Серафим, — он поклонился с преувеличенной почтительностью и направился к выходу, но задержался рядом со мной.

— Ну, я сделал всё, что мог, — усмехнулся он, и его взгляд на мгновение стал теплее. Почему-то к нему у меня сразу возникла симпатия. Такие люди, хоть и дразнят, но делают это беззлобно и не втыкают потом нож в спину.

— Александра, подойди, — раздался лаконичный приказ Сариэля.

— «Вот она, расплата,» — подумала я, делая шаг вперёд.

— Сариэль, я правда не специально, — начала я…

— Александра, — перебил он меня, и в голосе его прозвучало холодное, методичное раздражение. Скрестив руки на груди, он словно воздвиг между нами стену. — Я не могу понять одного. Я говорю: не шастай по этажам. Ты шастаешь. Говорю: опасно связываться с бессмертными. Ты идёшь к солдатам. Я прошу только переводить книгу. А ты шляешься, будто пытаешься покончить с собой. Нет ли у тебя мазохистских наклонностей, о которых мне стоит знать?

— К вашему счастью, — передразнила я его высокомерный тон, — у меня таких наклонностей нет. Я не виновата, что вы мне ничего не рассказываете! Может, я бы и не шлялась где попало, если бы знала чуть больше!

Сариэль провёл рукой по переносице, и в этом жесте читалась не столько усталость, сколько попытка сдержать нарастающее раздражение. Его пальцы сжались чуть сильнее, чем было нужно.

— Я сказал тебе прямым текстом: не соваться к бессмертным. Они опасны и относятся к смертным иначе. Этого было недостаточно?

— А я при чём? Откуда я могла знать, что там солдаты? Я думала, это выход!

— Александра, — голос его понизился, стал опасным и тихим, — подскажи, будь любезна: ты планируешь отправиться на тот свет? Потому что ты уже там. Даже если ты спустишься, как ты это называешь, «на землю», мы парим в воздухе. И мне крайне интересно: куда ты собралась убегать с этого острова? У тебя, может, крылья отросли?

— Извините, — заныла я, — но я же не могу 24 на 7 сидеть здесь! Мне скучно!

— Так переводи книгу, — отрезал он.

— Я знаю, что должна переводить книгу, — ответила я, переводя взгляд с его ледяного лица на стол, заваленный аккуратными стопками бумаг. — Но мне сложно! Я не знаю ваш мир, не знаю контекста… Мне скучно. Я знаю только, что ко мне относятся как к смертной.

— Что значит «как к смертной»? Если ты не будешь соваться к солдатам…

— При чём здесь солдаты? — перебила я его. — Даже служанку Ирину, которую вы ко мне приставили, невозможно ни о чём расспросить! Я понимаю, это, наверное, ваши правила, но… С кем мне тогда разговаривать? У кого выяснять?

Он замер на мгновение. Его взгляд, буравящий меня, смягчился, будто он обдумывал новый тактический ход.

— Для этого я разрешил тебе приходить ко мне.

— Что-то я не помню такого разрешения.

Сариэль тяжело, почти неслышно вздохнул — не эмоционально, а как человек, принимающий непростое, но необходимое решение.

— Я прямо сейчас тебе говорю: если возникнут сложности с переводом, приходи и спрашивай. Если у меня будет свободная минута, я помогу.

— Спасибо, конечно, — пробормотала я, — но на вас и так большая ответственность. Вам нужно защищать своих бессмертных.

В голове мелькнула мысль: каково это — иметь близких? Тех, с кем можно говорить обо всём, и кто не считает тебя пустым местом? Здесь, среди бессмертных, я не чувствовала того ледяного отчуждения, что было в секте. Там меня предавали, обманывали, оставляли одну. Со временем я поняла, что лучше быть одной, чем вечно ждать удара в спину.

— Александра, посмотри на меня, — произнёс Сариэль. Его голос потерял былую резкость, стал… ровнее.

Я подняла взгляд. Его глаза, обычно похожие на заиндевевший металл, сейчас были чуть мягче. Не тёплыми, нет, но в них появились глубина и интерес.

— Я понял, сегодняшний урок никак на тебя не повлиял.

— Если ты про то, что случилось в тюрьме, то нет. Я выживала в апокалипсисе.

— Давай прогуляемся. Покажу тебе это место, — сказал он, поднимаясь из-за стола. На нём была не привычная чёрная одежда, а что-то вроде строгой военной формы, подчёркивавшей его плечи и осанку. Теперь я могла разглядеть его золотые крылья во всех деталях.

Он проследил за моим взглядом.

— Если тебе что-то интересно, спрашивай.

— Скажи… Белые крылья и золотые — это обозначение статуса?

— До войны только у Серафимов были золотые крылья. Это показывало, что мы — не просто бессмертные ангелы.

— А как белые крылья могут стать золотыми?

Он немного помедлил с ответом, словно оценивая, сколько информации можно выдать.

— Знаешь, Александра, чтобы стать Серафимом, мало силы. Нужно многое знать, уметь управлять, выстраивать связи, сводить обстоятельства. Ты управляешь другими, защищаешь их. Это большая ответственность. Скажу жёстко: старые крылья вырывают, и новые отрастают. Но только если твоей силы хватит.

— Ну и жесть, — не удержалась я.

Мы вышли в коридор, спустились по лестнице, и я наконец увидела, что мы и правда находимся на острове, парящем среди облаков. Сариэль повел меня вперед, и вскоре мы оказались в настоящем парке, похожем на лабиринт из зелени.

— Александра, расскажи о своей жизни на земле, — негромко предложил он.

— О своей… земной жизни?

— Где твои родители? — спросил он, давая понять, что его вопрос задан не из-за любопытства, а для выяснения обстоятельств.

— Я сирота. Выросла в секте.

— В секте? — он переспросил, и мы замедлили шаг.

— Да. В месте, где главный безумец пророчил конец света. Как видишь, он был прав.

— Как ты там оказалась?

— Меня и брата туда отдала мать.

— Что с ней случилось?

— Не знаю. И интересоваться не хотела. Лучше бы я жила в детском доме, чем в секте. Страшнее этого нет ничего.

— У тебя было тяжёлое детство, — констатировал он, как бы подводя итог.

— Всё было нормально, — отмахнулась я.

— У тебя были друзья?

— Нет, — ответила я искренне. — Если вы переживаете, что меня будут искать, могу утешить: искать не будут. Но если решите меня убить… помните, книгу вам дальше переводить будет некому.

Уголок его рта дрогнул почти неуловимо.

— Такое не забудешь.

— А у тебя, Сариэль?

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, словно решая, стоит ли открывать эту часть себя. Наконец произнёс:

— У меня была семья. И близкие друзья, которые погибли.

— Мне жаль.

— Это было давно. Очень давно.

— А твои родители живы?

— Нет. Они давно мертвы.

— А почему ты до сих пор не обзавелся семьёй? — спросила я, касаясь едва раскрывшегося бутона розы.

Его лицо вновь стало непроницаемым, словно каменная маска.

— Семья — это сложно. И опасно для того, кто ведёт народ. Это слабая точка. Поэтому на неё могут надавить.

— Поэтому ты никого не любишь? — мои слова прозвучали тише.

Он смотрел на меня задумчиво, пытаясь понять подтекст моего вопроса.

— Александра, правитель не может позволить себе слабостей. Если у него есть любимый человек, оба окажутся под ударом. Врагов много. А поскольку власть бессмертных держится не на золоте, близкие становятся самым верным рычагом давления.

— То есть, по сути, ты монах… — я запнулась и тут же поправилась, — то есть, не монах… ты же всё-таки с Анжеликой…

Я поняла, что сказала не то, лишь когда увидела, как сузились его глаза и застыло всё тело.

— Откуда ты знаешь про Анжелику? Ах да… Ты же видела нас, когда пыталась найти выход.

— Правда, Серафим. Но я не искала выход, я искала путь к побегу.

— Что тебе не сидится, Александра? Сиди и переводи книгу.

— Можно спросить честно?

— Что? — он приподнял одну бровь, и этот жест вновь сделал его холодным и отстранённым.

— Почему ты так ко мне относишься? Ты мог запереть меня в темнице, игнорировать мои просьбы… А ты стараешься наладить контакт. Зачем?

— А ты не глупа, — отметил он, и в голосе его впервые мелькнуло нечто похожее на уважение. — Какая мне выгода иметь такого врага, как ты? У нас общая цель. Ты хочешь выжить, я хочу, чтобы выжил мой народ. Мы можем воевать, как воевали смертные с бессмертными, но цель у нас одна: выжить любой ценой. Если ты помогаешь нам, я помогу тебе. Я не из тех

правителей, кому интересно обманывать. Мне проще договориться. Но помни: пойдёшь против меня или моих людей, и я без колебаний лишу тебя жизни.

От его слов по спине побежали мурашки. Взгляд снова стал ледяным и неумолимым. Ещё недавно, во время прогулки, мне было с ним почти комфортно. Теперь передо мной опять стоял Главный Серафим — стратег, который сначала тонко располагает к себе, чтобы потом использовать.

— «Стараются заставить доверять, а потом втыкают нож в спину, — пронеслось в голове. — Как это сделали мать и брат.»

— Мы можем вернуться? — тихо спросила я.

— Конечно, если ты устала, — отозвался он и развернулся.

На душе скребли кошки. Давно забытое чувство брошенности и ненужности накрыло с новой силой. Обычно я умела заглушать такие чувства, но здесь, в незнакомом мире, где моя жизнь висела на волоске, это было сложнее.

Я побрела следом за Серафимом. Его золотые крылья мягко трепетали на ветру. Я невольно задумалась: «какие они на ощупь? Как птичьи перья, или совсем другие?»

Я так засмотрелась на переливающиеся на свету перья, что не заметила, как он резко остановился. Я впечаталась ему в спину, едва не потеряв равновесие.

— Может, оставишь привычку резко останавливаться? — проворчала я, отступая.

Но Сариэль поднял руку, и этот жест, отточенный и властный, заставил меня мгновенно замолчать. Он вглядывался в небо, где снова появился отряд с ранеными. Я увидела, как его плечи напряглись, а челюсть сжалась. Затем он резко ускорил шаг.

— Сариэль, помедленней, я не успеваю!

Он будто не слышал.

— Эй! Ёлки-палки! — в отчаянии я схватила его за крыло.

На ощупь оно было невероятно мягким и пушистым.

Сариэль резко обернулся, и на его лице впервые за всё время появилось настоящее, ничем не прикрытое удивление.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь до тебя достучаться! Я же сказала — я не такая быстрая! А если бы схватила за руку, ты бы меня, наверное, прибил.

Он смотрел на меня, не находя слов, и я, решив, что терять уже нечего, нежно провела ладонью по перьям. Они были восхитительно мягкими.

— Красивые… и правда классные, — улыбнулась я.

За свою жизнь я усвоила: если суждено прожить один день, проживи его ярко. Попробуй всё. Что ж, я попробовала. Потрогала крылья самого Серафима.

Сариэль смотрел на меня с тем же немым удивлением, а потом его губы тронула лёгкая, почти невидимая усмешка.

— Господи, Александра, какой же ты ещё ребёнок, — произнёс он без прежней холодности в голосе. — Идём. Нам нужно торопиться.

В этот раз он шёл рядом, не ускоряясь, и лишь изредка бросал на меня быстрые, непонятные взгляды. Он довёл меня до комнаты и, не говоря ни слова, развернулся и ушёл. На его плечи снова легла вся тяжесть ответственности.

Зайдя в комнату, я рухнула на кровать. Прогулка действительно пошла на пользу. А это удивлённое выражение на его лице… Будто я была первой, кто посмел прикоснуться к его крыльям.

И тогда меня осенила мысль: а вдруг крылья для бессмертных — это нечто большее, чем просто часть тела? Нечто… интимное?

7 глава

Два дня прошло с тех пор, как я видела Сариэля лично в последний раз. Я мельком замечала его в кабинете, но он был настолько занят, что подойти было нельзя. Я понимала, что что-то произошло, но вмешиваться не стала. Всё моё внимание теперь было приковано к книге.

Перевод оказался важнее всего. Книга раскрывала древние тайны. У Создательницы было оружие. Сначала я думала, что их несколько: копьё, меч, лук. Но в тексте говорилось, что оружие меняло форму, чувствуя хозяйку, и становилось тем, что было нужно ей в бою. Создательница была настолько добра, что сама тьма склонялась перед ней, и это отличало её от всех. Она была матерью Тёмного и Светлого Бога и предвидела, что её дети могут начать вражду. Как оказалось, она была права. Войну начал Светлый Бог. Им двигала жажда единоличной власти, и он склонил брата к убийству матери.

По силе Создательница превосходила всех. После неё шли её сыновья, а уже за ними — Перворождённые. Эти Перворождённые были настолько сильны, что могли бросить вызов самим богам, и именно поэтому Светлый Бог решил от них избавиться. Втайне ото всех он распределил их по темницам: кого-то заточил во льду, кого-то в тёмных клетках. Ему помогал брат, который верил, что после этого они смогут править вместе. Когда Перворождённые были заточены, братья пришли, чтобы убить мать. Сила детей не превосходила её силы, но она не могла поднять руку на собственных сыновей. И погибла. А её оружие исчезло. Сколько Светлый Бог ни искал, найти не смог. В книге говорилось: если оружие примет форму меча, оно сможет уничтожить любого — и бога, и Перворождённого.

С этой информацией я рвалась к Сариэлю, но понимала, что нужно ждать, пока он сам позовёт. И ждать пришлось недолго. К вечеру меня вызвали в его кабинет.

Меня сопровождал ангел с белыми крыльями и тёмными волосами. По пути я узнала, что его зовут Люк. Он производил впечатление доброго и порядочного ангела.

В кабинете Сариэля собрался целый совет бессмертных — и демоны, и ангелы. Все они выжидающе смотрели на своего лидера. Я и раньше понимала, что ему нелегко, но осознание, что весь груз смертных и бессмертных лежит на нём одном, неприятно сжало мне сердце. Не люблю несправедливость.

Когда мы появились в дверях, все взгляды обратились на нас. Люк склонил голову.

— Серафим, я привёл её.

Сариэль лишь коротко кивнул, не отрывая глаз от стола. Его лицо было бесстрастной маской, но в уголках глаз залегла усталость.

— Александра. Посиди и подожди, — проговорил он ровным, лишенным тепла голосом.

Я не стала мешкать, кивнула и огляделась в поисках места. Неподалёку от стола стоял небольшой диван, куда я и присела. Бессмертные о чём-то спорили, но с моим приходом явно стали сдержаннее.

— «Дураки, — подумала я. — Да мне плевать на ваши тайны.»

Больше всех у стола Сариэля горячился один демон с коричневыми крыльями и странным, почти звериным выражением лица — больше он походил на оборотня, чем на демона. Его звали Деймон.

— Сариэль, мы должны что-то сделать, иначе они совсем обнаглеют! — кричал он, не сводя горящего взгляда с Серафима.

Тот, казалось, не слушал. Он смотрел в одну точку перед собой, в руках его бесшумно скользил небольшой тёмный камень. Пальцы двигались с чёткой, почти механической точностью. Из-за расстояния я не могла разглядеть камень детально.

Я перевела взгляд на остальных. В комнате находились Карина, Тарендис и Дина. Они стояли спиной ко мне, и крылья заслоняли мне обзор. Но когда один из них шевельнулся,

я увидела рядом с неистовым Деймоном ещё одного знакомого бессмертного — того самого похитителя, что притащил меня сюда. Возле Деймона стояла демонесса, вероятно, его жена. Они обменивались колкостями и тихо флиртовали.

Спор длился недолго.

Сариэль поднял руку. Жест был неспешным, но в нём была такая непререкаемая окончательность, что все мгновенно замолчали.

— Я думаю, вы устали, — произнес он тяжелым голосом, который разбил все возражения. — Отдохните. Вечером соберем всех. Нужно будет позвать Люцифера, чтобы окончательно определиться. А сейчас все свободны.

По его приказу бессмертные начали покидать кабинет. Сариэль остался сидеть за огромным столом, по-прежнему перебирая камень. Он откинулся на спинку кресла, и теперь в его холодном, отстраненным взгляде я отчетливо разглядела усталость, которую он тщательно скрывал. Интересно, он вообще когда-нибудь отдыхает?

— Что ты узнала, Александра?

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

— Александра, — повторил он. Его голос стал чуть резче, но в нём не было нетерпения — лишь ожидание чёткого ответа.

— А, да, конечно.

Я рассказала ему всё, что перевела. Пока я говорила, он не перебивал: ледяной взгляд не отрывался от меня, и лишь изредка он кивал, когда я доходила до ключевых мест. Закончив, я невольно потянулась, разминая спину, которая заныла от долгой речи. Взглянув на него снова, я увидела ту же скрытую тяжесть за маской бесстрастия. Он старается не показывать, но ему правда тяжело. На его плечах лежат чужие судьбы.

— Александра, если это всё, можешь идти в свои покои, — разрешил он всё тем же ровным, ничего не выражающим тоном.

Я не успела встать, как в кабинет ворвались Тарендис, Деймон и Карина. Они так сильно спорили, что не сразу обратили на меня внимание.

— Сариэль, нужно усилить защиту! — кричал Деймон.

— Это бессмысленно! — парировала Карина.

Сариэль медленно поднял глаза на ворвавшихся. Не повышая голоса, он спросил:

— Что случилось?

Они смутились под его внимательным, всё подмечающим взглядом и заговорили ровнее. Оказалось, вражеская армия прощупала границы, и в руках врага оказались заложники из какого-то «Дворца Жизни». Всех их отвели к Белиалу.

В этот момент у меня мелькнула мысль.

— Извините, — вмешалась я.

Сариэль тут же поднял на меня взгляд. В его глазах мелькнула искра — не гнева, а скорее любопытства. Остальные тоже замерли, удивлённо уставившись на меня.

— Я правильно понимаю, что вы воюете с тем самым бессмертным?

— А это кто? — резко повернулся Мамон.

— Это Александра, — спокойно, но с лёгким укором в адрес Деймона, проговорил Сариэль. — Она переводит книгу, которая может нам помочь.

— Почему ты замолчала? Что там у тебя полезного? Как убить этого гада? — набросился на меня демон.

— Я не уверена… Но у Создательницы было оружие. Оно могло принимать облик меча, копья, лука… Когда Создательница погибла, оно исчезло. Я думаю, именно оно может убить вашего «Тёмного».

— Отлично! И где оно? — не унимался Деймон.

— Не знаю. В книге сказано только, что оно было потеряно.

Тут вмешался Тарендис, с неприязнью глядя на меня:

— Сариэль, не слишком ли лояльно ты относишься к этой девчонке? Время идёт, а от её переводов мало толку.

Реакция Серафима была мгновенной. Он даже не пошевелился, но атмосфера в комнате стала ледяной.

— Я сам решаю, как мне следует себя вести, — отрезал он. Его голос был тихим, но каждое слово падало, как стальная гиря. Холодный, пронзительный взгляд заставил Тарендис отступить на шаг. Я же в ответ смерила его таким же злым взглядом.

— А я, насколько понимаю, приношу больше пользы, чем некоторые, — сказала я. — Хотя бы книгу перевожу. А вы? Вряд ли командуете армией из своих кабинетов.

Деймон фыркнул в кулак, а его жена-демонесса ухмылнулась. Ей, видимо, понравилась моя дерзость.

— Ах ты, мелкая! — завёлся Тарендис. — Да знаешь ли ты, сколько я пожертвовал ради ангелов!

— Вот именно — ради ангелов, а не ради всех бессмертных, — парировала я. — Вы только и делаете, что упрекаете меня в том, что я смертная. А сами-то что сделали?

— Смотри какая смелая! — прошипел он.

— Смотрите не расплачьтесь — огрызнулась я.

Реакция присутствующих удивила меня. Деймон уже не сдерживался и смеялся в голос, его жена вторила ему тихим смехом. Сариэль только прикрыл глаза ладонью, и в этом жесте сквозила не досада, а утомлённая снисходительность.

Карина, сохраняя серьезность, обратилась к лидеру:

— Мне кажется, обсуждать дела бессмертных со смертной не совсем правильно. Что ты думаешь, Сариэль?

Он опустил руку, и его взгляд снова стал чистым и непроницаемым.

— Александра сейчас — наш гость и союзница. Она помогает нам, а мы — ей. Она имеет право знать, что происходит. Без её помощи нам не справиться с Тёмным, — произнес он чётко, дав понять, что тема закрыта. В его словах не было эмоциональной защиты, лишь холодная констатация факта, которая послужила щитом.

Мне не хотелось здесь больше оставаться.

— Могу ли я пойти в свои покои, Серафим? — я наклонила голову, стараясь соблюсти формальности и понять, как он на это отреагирует.

Он смотрел на карту, разложенную на столе. Пауза затянулась на секунду дольше необходимого.

— Ступай, Александра, — бросил он наконец, не поднимая глаз. Его тон был таким же ровным, но в этой небольшой задержке было что-то… замедленное.

Я быстро ретировалась в свою комнату.

«Тяжеловато здесь, — подумала я, плюхаясь на кровать. — Но хоть крыша над головой и еда есть.»

В дверь резко постучали.

— Войдите.

На пороге стояла незнакомая ангел со светлыми волосами и изящными чертами лица. Она склонилась.

— Госпожа. Я ваша новая служанка — Лилия.

— Новая? А где Ирина?

— Серафим приказал мне ухаживать за вами. Ирину отстранили от этих обязанностей.

— Почему? — насторожилась я.

— Я не знаю всех тонкостей, — девушка опустила глаза. — Но старшая служанка сказала, что Серафим велел Ирине заботиться о вас, а она… не справилась. Поэтому её заменили. В наказание она возвращается к прежним обязанностям и лишается доступа к внутренним покоям Цитадели. Госпожа, Серафим велел помочь вам собраться на сегодняшний ужин.

— На ужин? — не поняла я. — Куда это, интересно?

— Сегодня ужин, на котором собираются все главные начальники. Помимо Серафима, там будет также сам Правитель Ада, — промолвила Лилия.

Я замерла.

— Подожди. Если там такие «большие шишки», то я тут при чём? — мой вопрос прозвучал слишком напористо. — Сариэль что, совсем с ума сошёл? Хочет, чтобы меня прибили эти знатные персоны?

— Госпожа, думаю, он сделал это для того, чтобы показать другим, что у нас есть надежда. Ведь, переведя эту книгу, вы сможете помочь победить Тёмного. А значит, у бессмертных есть шанс на выживание.

Так значит, это очередной ход Сариэля. Дать надежду бессмертным. Ну, хотя бы это на него похоже.

Лиля помогла мне собраться. Она принесла платье: белое, с алыми вставками, красиво переливавшееся на свету.

— Ух ты, Лиля, откуда такая красота?

Девушка скромно улыбнулась.

— Это Серафим вам прислал. Время поджимает, поэтому давайте поскорее.

Она помогла мне надеть платье и причесала волосы. Мы оставили их распущенными, лишь передние локоны слегка закололи. Лёгкий макияж, подчёркивающий глаза, и губы, чуть тронутые цветом. Когда всё было готово, Лиля посмотрела на меня с восхищением.

— Госпожа, вы такая красивая, — прошептала она.

— «Не то слово „красивая“… — с какой-то внутренней тяжестью проговорила я. — Словно жертвенный агнец».

Я переживала. Что делать? Что говорить? Понятия не имела. И как я вообще влипла в такую ситуацию? Мыслей не было.

Лилия проводила меня к Главному залу. Оказалось, для подобных мероприятий Тронный зал украшали совершенно иначе — меньше строгости, больше холодного блеска. Дверь открылась, и я вошла. Внимание сразу привлекло множество бессмертных: демоны и ангелы, перемешавшись, образовывали пёструю, гудящую толпу. Среди них мелькали лица, уже знакомые мне по цитадели. Один из ангелов встретился со мной взглядом, демонстративно фыркнул и вернулся к разговору.

Я замерла на пороге, не зная, куда двинуться и с кем заговорить. Это был скорее фуршет, чем приём: столы ломились от закусок, в бокалах искрилась красная жидкость — похоже, вино. Хотя… промелькнула мысль: разве бессмертные пьянеют от человеческого алкоголя?

Я тихонько двинулась к столам. Лучше встать рядом и делать вид, что что-то выбираю, чем стоять тут как дурочка. Но стоило мне сделать несколько шагов, как бессмертные начали приближаться. Одни с дежурными улыбками, другие с откровенным желанием выудить информацию. Я внутренне сжалась, однако не позволила себе сутулиться, расправила плечи и слегка приподняла подбородок.

Ко мне подошёл демон с роскошными алыми крыльями.

— О, неужели это та самая «надежда»? — протянул он, в его улыбке сквозила насмешка.

— Ну, какая же я надежда, — парировала я, стараясь сдержать дрожь в голосе. — Но вы не представились. Как мне к вам обращаться?

— Моё имя… — начал он, но был прерван.

Холодный, режущий тишину тон узнался мгновенно.

— Александра. Пойдём.

Я обернулась. Совсем рядом, в безупречном белом облачении, стоял наш «распрекраснейший» Серафим.

— О, Серафим! — оживился демон. — Я как раз беседовал с нашей надеждой.

— Славно. Но не стоит забывать, что Александра — смертная. Думаю, твой пыл мог её взволновать, — аккуратно, но недвусмысленно проговорил Сариэль, намекая, что ко мне не стоит лезть с расспросами. — Александра, идём.

Он подставил локоть. Я уже поняла, что должна немедленно последовать за ним. Странно, но сейчас в Сариэле я видела спасение. Я почти с благодарностью ухватилась за его руку, и мы направились вглубь зала. С плеч как будто свалился огромный груз, и я невольно выдохнула. Сариэль, заметив мою реакцию, лишь усмехнулся в уголке губ.

«Вот же павлин», — подумала я, но покорно шла за ним.

Какое-то время к нам подходили бессмертные, здоровались с Серафимом, кланялись, обменивались любезностями. На меня они лишь изредка бросали взгляды, но заговорить не пытались — Сариэль ловко перехватывал инициативу, словно уводя внимание на себя. Возможно, он понимал, что мне сложно: я не только смертная, побаивающаяся этого сборища, но и потенциальная утечка информации.

Вскоре он снова обратился ко мне:

— Идём.

Мы направились в одну из боковых комнат. Оказалось, фуршет — для всех, а для особо знатных гостей был предназначен отдельный ужин.

Я обречённо выдохнула. Так надеялась, что после зала смогу улизнуть в свои покои.

В уютной, но роскошной комнате собралось человек двадцать. Большинство я знала в лицо, некоторых видела впервые. Особое внимание привлекли несколько демонов. Их неестественно яркие глаза с любопытством впились в меня.

«Вот и влипла», — промелькнуло в голове, и я лишь плотнее сжала пальцы на руке Сариэля. Тот бросил на меня короткий оценивающий взгляд.

Мы подошли к столу. К моему удивлению, Сариэль усадил меня рядом с собой, заняв место во главе.

Когда приступили к трапезе, я снова удивилась. На столе — вполне земные блюда: что-то вроде запечённой рыбы с картофельным пюре. «Видимо, изысков гастрономии бессмертные не оценили», — едва не рассмеялась я про себя.

Пока длилась трапеза, на меня почти не обращали внимания, и я украдкой изучала присутствующих: демонов с невозмутимыми лицами, ангелов с холодной вежливостью. Но тут прямо напротив меня заговорил один из демонов, который до этого просто наблюдал.

— Александра, меня зовут Реймс. Нас не представили, но я много наслышан о вашем… нраве.

— Приятно познакомиться, — вежливо ответила я. — О моём нраве? Не поняла.

— Поговаривают, у вас весьма вспыльчивый характер.

— Интересно, кто вам такое сказал? — усмехнулась я, чуть переводя взгляд на Сариэля.

Тот, однако, казался увлечённым беседой с другим бессмертным и не подал виду, что слышит наш разговор. Но я знала — он слышит. Он слышит всё.

— «Конечно, когда нужно отмазывать свою переводчицу — он в облаках», — возмутилась я про себя.

— О, слухи ходят сами по себе, — Реймс отпил из бокала, не сводя с меня глаз. — Особенно, когда смертная враз переворачивает с ног на голову распорядок целой цитадели

и заставляет самого Серафима… подбирать ей гардероб, — он едва заметно кивнул на моё платье.

«Ага, значит, это всеобщая тема для сплетен. Чудесно. Я так и знала, что это платье — не комплимент, а маркер: „Смотрите, что я с ней делаю“».

— Вы знаете, — сказала я, делая вид, что внимательно изучаю виноград в тарелке, — когда тебя закидывают в мир, где даже туалетная бумага, вероятно, магическая и требует заклинания, излишняя нервозность — это не «вспыльчивый характер». Это инстинкт выживания. Я, например, в первую неделю боялась, что зубная щётка обретёт сознание и начнёт читать мне лекции о бренности бытия.

Из угла рта Реймса дрогнула усмешка.

— Остроумно. Но именно такие… яркие натуры часто и оказываются самыми коварными. Особенно если это женщины у власти. Или стремящиеся к ней.

Вот оно, пошло-поехало. Я вздохнула, откладывая виноград.

— Дайте угадаю: сейчас последует список бессмертных правителей, павших жертвой женских интриг? Леди Макбет в ангельском оперении, так сказать?

— Не только ангельского, — его голос потеплел, словно он наконец добрался до любимой темы. — За нашу долгую историю большинство расколов, предательств и падений династий начиналось с улыбки. Амбиции прятались за ней. Женщина, чувствующая власть, — самое опасное и непредсказуемое существо во всех мирах. Она не сокрушает стены — она просачивается сквозь щели. И разрушает изнутри.

В воздухе повисла пауза. Я чувствовала, как на наш разговор начинают обращать внимание другие. Даже Сариэль слегка повернул голову в нашу сторону, хотя продолжал слушать своего собеседника.

«Ну что ж, раз играют в стереотипы…»

— Позвольте с вами не согласиться, господин Реймс, — мой голос прозвучал тише, но чётче. Я отложила вилку. — Вы говорите о разрушении. А я вижу иную картину. За каждой великой династией, за каждой непоколебимой крепостью, которую не взяли ни мечом, ни осадой, стояла женщина. Не та, что просачивалась в щели. Та, что была фундаментом. Та, что напоминала правителю, ради чего все эти стены возводятся. Не для власти, ради власти. Чтобы было что защищать. Чтобы был дом, а не просто Цитадель. Чтобы была причина быть стойким, а не просто упрямым.

Я сделала маленькую паузу, глядя прямо на него.

— Мужчины часто находят стойкость в битве. Но смысл для неё находят благодаря женщинам. Без этого… просто камни, господин Реймс. Очень гордые. Очень неприступные. И совершенно пустые.

В зале наступила тишина. Реймс смотрел на меня с неожиданной серьезностью, его насмешливый блеск в глазах потух. Я мельком поймала взгляд Сариэля. Он не улыбался. Его лицо было, как всегда, непроницаемой маской. Но его ледяные глаза были прикованы ко мне. В них не было ни одобрения, ни гнева. Был лишь глубокий, бездонный интерес, как будто он впервые разглядывал сложный механизм и наконец понял принцип его работы.

Затем он медленно, почти незаметно, перевёл взгляд на Реймса.

— Камни, — повторил Сариэль своим ровным, холодным тоном, — имеют свойство крошиться. Фундамент — нет. Вы увлеклись поэтическими образами, Реймс, и проглядели суть инженерии.

Демон опустил глаза, слегка кивнув, будто получив мягкий выговор от учителя.

А у меня внутри всё перевернулось. Сариэль… фактически вступился. Не за меня лично, конечно. За логику. За «инженерию». Но это было больше, чем я могла ожидать.

— Прошу прощения, если слишком увлеклась, — сказала я, снова беря в руки бокал, чтобы скрыть лёгкую дрожь в пальцах. — Просто, знаете, когда ты сама — временный и хрупкий строительный материал, начинаешь задумываться о смысле более прочных конструкций.

Реймс наконец рассмеялся, но теперь в его смехе была не насмешка, а что-то вроде уважительного изумления.

— Вы не перестаёте удивлять, смертная. Признаю, мой анализ был… поверхностным. Возможно, нам всем не помешало бы взглянуть на историю под вашим углом.

…Именно в этот торжественный момент я почувствовала первый, знакомый и зловещий, тянущий укол внизу живота.

«Нет. Не сейчас. Ты издеваешься?» — панически промелькнуло у меня в голове.

Сариэль медленно перевел взгляд на Реймса, отвечая что-то о прочности камней. Но я уже почти не слышала его. Второй спазм, более четкий, скрутил все внутри. Я невольно прижала ладонь к животу под столом. Третий удар заставил меня чуть втянуть воздух. Я вцепилась пальцами в складку платья у бедра, чтобы рука не дрожала.

Я пыталась дышать ровно и делала вид, что слушаю разговор, но мир уже плыл перед глазами. Я прикрыла глаза, чувствуя, как по спине выступает холодный пот.

Когда я снова открыла их, то увидела, что Сариэль смотрит прямо на меня. Не просто смотрит — изучает. Его взгляд, который секунду назад был рассеянно-заинтересованным, теперь стал острым и сконцентрированным. Взгляд скользнул по моему побледневшему лицу, задержался на руке, вцепившейся в ткань, и на лёгкой дрожи, которую я уже не могла скрыть.

— Что с тобой? — тихо спросил он, чтоб услышала только я.

— Все хорошо, — ответила я, чувствуя, что боль прошла. Вот же женский организм.

— Александра, — произнёс он громче, и все взгляды снова обратились к нему. — Думаю, тебе пора отдохнуть. Завтра ждёт сложная работа с текстами из архива Реймса. Он любезно согласился предоставить их.

Я чуть не поперхнулась вином. «Так вот оно что! Значит, весь этот ужин, этот разговор — не просто „показать надежду“. Это дипломатия. И меня только что мягко использовали как приманку и аргумент в переговорах.»

«Павлин, — беззлобно подумала я, вставая. — Хитрый, расчетливый павлин».

— Конечно, — я кивнула, прощаясь со всеми изящным, как только смогла, кивком. — Благодарю за ужин и… познавательную беседу.

Уходя из комнаты под формальным сопровождением Лилии, я почувствовала на спине его взгляд. Тот самый, тяжелый и оценивающий. Но теперь в нём было не только привычное холодное любопытство, но и тень чего-то нового. Словно он прочёл не только мою строку, но и подтекст за ней. И это открытие его… заинтриговало.

Позже ко мне зашла Лили с подносом.

— Я принесла вам ужин, если позволите.

— Да, конечно, заходи. Можешь не обращаться ко мне официально — зови просто Алекс.

Эта девушка мне понравилась куда больше. С виду она была доброй, и я подумала, что с ней мы быстро поладим.

— Оставь ужин на столе.

Лиля вновь слегка поклонилась и вышла, не задерживаясь. Я не стала её останавливать — не знала здешних порядков. Возможно, ей не полагалось со мной долго разговаривать.

Под крышкой меня ждал сюрприз: пюре и курица, которые выглядели на удивление аппетитно. Никакого привычного мне ужасного супа, от которого мой желудок уже сжимался в предчувствии. Интересно, за что Ирина мне так отомстила? Я-то, наоборот, пыталась с ней подружиться.

Поев, я собиралась взяться за книгу, но желание читать исчезло. Выходить из комнаты Сариэль запретил строго-настрого, а лишний раз злить его сегодня не хотелось совершенно. За столом он выглядел по-настоящему угрожающе. Возможно, я еще не видела его действительно разгневанным.

Я вспомнила о книге, которую утром дал мне Серафим. Вникать в историю ангелов и демонов не хотелось, но делать было нечего. Информации в ней оказалось мало, написана она была сухо — как будто выдержка из энциклопедии. Буквы поплыли перед глазами. Я отложила книгу, сходила в ванную и легла.

Посреди ночи я проснулась от адской боли внизу живота. Несмотря на апокалипсис, женский организм не желал меняться, и месячные, пропавшие на три месяца из-за стресса, решили вернуться именно сегодня. После ужина я искренне надеялась, что мне просто показалось. Я скрутилась калачиком. Боль была всесокрушающей. Ни обезболивающего, ни средств гигиены под рукой не было. Нужно было найти Лилю.

Боль накатывала волнами, сжимая легкие. Переждав особенно острый спазм, я «доползла» до двери. Как вызвать служанку? Возможно, её комната где-то рядом — так часто бывало в старинных романах. Согнувшись «вдвое», я выскользнула в коридор. Там царили пустота и тишина.

Решив выйти к лестнице в надежде кого-нибудь встретить, я начала осторожный спуск. И в коридоре возле кабинета Сариэля замерла: он выходил из дверей, уже переодетый в свою форму.

Его осанка была безупречной, а походка — твердой и беззвучной. Не прошло и секунды, как его взгляд, холодный и точный, приковался ко мне. Брови резко сошлись.

— Александра, — его голос прозвучал как удар лезвия по льду. — Кажется, ты не усвоила значение моих запретов.

Он сделал шаг в мою сторону, но новая волна боли согнула меня пополам. Мне стало плевать на его гнев. И тогда неожиданно холодные, сильные руки подхватили меня. Я подняла голову и увидела его лицо в нескольких сантиметрах от своего. Влажные от слез глаза широко распахнулись.

— Что случилось? — спросил он, и в его обычно бесстрастном тоне проскользнула едва уловимая трещина. Взгляд скользнул по моему лицу, выискивая ответ. — Позвать лекаря?

Он говорил это без обычной командирской интонации — скорее, констатируя необходимость. Я вцепилась в его темную накидку, зажмурившись.

— Мне нужна Лиля.

— Лиля не лекарь. Я позову того, кто поможет.

— Нет! — мой голос прозвучал дерзко и слабо одновременно. Я прижалась лбом к его груди, чувствуя прохладу ткани.

Сариэль замер на мгновение, его челюсть напряглась. Затем он резко повернул голову в сторону.

— Рейгер. Позови служанку.

Из темноты за его плечом выпорхнул дракон и бесшумно растворился в конце коридора. Легким, почти невесомым движением Сариэль поднял меня на руки. Я не сопротивлялась, лишь глубже вжалась в него, ища спасения от боли. Слезы беззвучно текли по щекам.

Он отнес меня в комнату и уложил на кровать. Боль не отпускала.

— Александра, лекарь необходим, — его фраза прозвучала как окончательный вердикт, но в конце вопросительно дрогнула.

— Нет.

— Почему? — в его глазах мелькнуло неподдельное раздражение, смешанное с недоумением. — Мы не знаем причину.

— Я знаю, — прошептала я, снова сжимаясь от спазма.

— Что за причина?

— У меня просто… живот болит.

— Боль в животе не заставляет человека плакать и не ходить, — отрезал он. И вдруг замолчал. Его пронзительный взгляд будто прощупал меня насквозь. — У тебя менструация?

В этот момент у меня покраснело, кажется, не только лицо, но и уши. Обсуждать это с Сариэль было невыносимо. Я уткнулась в подушку и едва заметно кивнула.

— Понятно.

Он развернулся и подошел к шкафу, открыл его одним точным движением. Достал мою рубашку, вернулся к кровати и положил ладонь на ткань. На три секунды его пальцы озарились мягким свечением. Затем он протянул рубашку мне.

— Положи на живот. Она теплая. Станет легче.

Я послушно прижала согретую ткань к животу. И правда, стало легче. В дверях возникла сонная Лиля, накинувшая накидку на ночную сорочку. Увидев Сариэля, она застыла и склонилась в почтительном поклоне.

— Госпожа, вы звали… Серафим…

— Принеси обезболивающее из запасов для воинов, — его голос вновь обрел привычную ледяную ровность. — И пусть лекарь все же будет наготове.

— Но я… — начала я слабо.

— Молчи, — без повышения тона осадил меня Серафим, и слово повисло в воздухе приказом. — Лиля, у тебя есть всё необходимое?

— Да, господин, конечно. На кухне.

— Принеси. И можешь быть свободна.

Когда она скрылась, он снова повернулся ко мне. Взгляд был тяжелым и изучающим.

— Почему ты отказываешься от помощи лекаря? — спросил он. И в этом вопросе сквозило не просто любопытство, а потребность всё контролировать, понимать логику.

— Он ничем не поможет. Так всегда было, — простонала я, снова сжимаясь.

Сариэль молча положил свою ладонь поверх моей руки, прижимающей тёплую рубашку. От его прикосновения тепло стало глубже, почти жгучим. Боль немного отступила, позволив перевернуться на бок. Его тяжёлая рука оставалась на месте.

Вернулась Лили со стаканом зелёной, густой жидкости. Я с недоверием посмотрела на.

— Выпей. Станет легче, — сказал Сариэль, принимая стакан.

— Что это?

— Травяной настой. Им пользуются воины после тяжёлых ранений. Очень хорошо глушит боль.

— Выглядит… устрашающе.

— Эффективность важнее эстетики, — парировал он. — Пей.

Он помог мне приподняться. Я выпила, скривившись. Боль отступила, но не сдалась полностью. Слёзы выступили на глаза от бессилия.

— Ненавижу этот организм, — прошептала я в подушку.

Сариэль сидел рядом, молчаливый и наблюдающий. Видя, что легче мне не становится, он лишь усилил исходящее от ладони тепло. В голове всплыло детское воспоминание: в приюте мы, девчонки, когда болели, держались за руки. Это помогало.

— Сариэль … — голос сорвался. — Можно я возьму тебя за руку?

Он резко повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнуло что-то нечитаемое — удивление, может быть, даже легкое отторжение.

— Александра, ты не перестаёшь меня удивлять и ставить в тупик от твоих просьб, — произнес он наконец, и в его тоне впервые прозвучала непривычная, сухая откровенность. Но после паузы он всё же протянул мне руку.

Я вцепилась в его прохладные пальцы обеими руками, прижала ладонь к щеке, пытаясь ухватиться за эту точку опоры. Он тяжело, почти неслышно, вздохнул. А потом… высвободил свою руку и убрал ту, что согревала мой живот.

В душе шевельнулась обида. Я всегда одна. Даже здесь. Я сильнее зажмурилась, готовясь к тому, что он сейчас уйдёт, но вместо этого почувствовала, как кровать прогнулась под новой тяжестью.

Он лёг рядом, на спину. Одно из его огромных золотых крыльев мягко, но неумолимо скользнуло мне под спину и придвинуло меня ближе. Рука легла на поясницу, вновь наполняя тело целительным теплом. Другой рукой он взял мою, и его пальцы сомкнулись вокруг моих — несгибаемо, но без боли.

— Если ты думаешь, что я буду всю ночь сидеть здесь, держа тебя за руку, как сиделка, — его голос прозвучал прямо над ухом, — то ты ошибаешься. Я не спал двое суток. Если я не отдохну сегодня, моё терпение лопнет. Так что тебе придётся мириться с моим присутствием. Постарайся уснуть. Боль отступит.

Перечить ему не было ни сил, ни желания. С ним правда становилось легче. Я лишь слабее сжала его руку и, даже не заметив, провалилась в забытье.

Сквозь сон я почувствовала, как тепло от его руки исчезло. И боль отступила вместе с ним. «Он ушел, — мелькнула мысль.» Но тяжесть тела рядом не исчезла.

Приоткрыв глаза, я увидела его профиль в лунном свете. Он спал. Властный, холодный Серафим, который ради смертной девушки сдвинул границы своего незыблемого порядка, продолжал лежать рядом, и его крыло, подобное золотому бархату, всё ещё укрывало мою сторону кровати.

8 глава

То ли от того, что я проснулась и пошевелилась, то ли от того, что он и вправду спал чутко, его рука снова отозвалась теплом. Было в этом что-то до глупости милое: великий и ужасный Серафим, согревающий смертную девчонку. Но сейчас меня мучила другая мысль. Я осторожно привстала.

— Опять болит? — его голос, хриплый от сна, прозвучал неожиданно.

— Всё хорошо, — буркнула я, чувствуя, как горят щеки. Лежать с ним вдвоем было неловко, а уж в таком положении — и подавно. Я отвела глаза к столу, и мой взгляд наткнулся на аккуратно сложенные средства гигиены. Откуда? Я помнила слова той бессмертной: у них такого нет, забеременеть почти невозможно…

Сариэль, проследив за моим взглядом, ответил на незаданный вопрос:

— Это принесла Лиля. Я дал распоряжение.

— Но зачем так много? — на столе лежало штук шесть или семь пачек.

Он вновь закрыл глаза. Его лицо, освещенное утренним сумраком, было похоже на резную маску.

— Я не разбираюсь в ваших циклах. Взял с запасом.

«Ваших». Всегда это холодное отстранение. «Вы, смертные».

— Ясно, — выдохнула я и, прихватив «подарок» и сменную одежду, прокралась в ванную.

Вернувшись, я застала его всё на той же кровати. Глаза были прикрыты, но по напряженным чертам на лице была видна усталость — не физическая, а та, что копится веками. Странно, но я его не боялась. Он был красив, пугающе красив, и рядом с ним не чувствовалось опасности — лишь леденящая робость. Он не позволял себе ничего лишнего, и потому я просто легла. Снова пришлось устроиться на его крыле, но я постаралась сделать это как можно легче.

— Тебе опять плохо? — его глаза, цвета зимнего неба, внезапно открылись и впились в меня изучающим взглядом. Взглядом правителя, ищущего слабое место в обороне.

— Нет. Просто я, кажется, всю ночь пролежала у тебя на крыле. Боюсь отлежать.

— Не беспокойся об этом, — отрезал он. Голос не допускал возражений. — Вряд ли вес смертной меня удивит, а уж тем более придавит моё крыло. Спи.

Было всего четыре утра. Тишина давила, а любопытство грызло изнутри. Я украдкой разглядывала его профиль, искала в нем хоть одну щелку в броне абсолютной власти.

— Спроси наконец и не сверли меня взглядом, — произнес он, не шевелясь.

— Вообще-то, я уже глаза закрыла! — вспыхнула я, пойманная на месте преступления.

— Неправда. Говори, Александра.

Он всегда называл меня полным именем. Никаких уменьшительных. Дистанция. Протокол.

— Ладно… Почему ты решил помочь мне? Начал греть меня, а не просто оставил?

Он помолчал, и тишина зазвучала громче любого ответа.

— Не знаю, — наконец сказал Сариэль со странной уязвимостью в голосе. — Порой, глядя на тебя, я вижу… себя.

— Фу, это звучит мерзко! — фыркнула я, хотя внутри что-то ёкнуло. — Как будто ты мой родитель.

Легкая, почти невидимая тень улыбки коснулась его губ.

— Если мерить вашими мерками, то я, скорее, твой бесконечно далекий предок.

Я повернулась к нему, и меня, вопреки логике, окутало спокойствие. Оно исходило от него — это опасное, обманчивое чувство защищенности.

— Ты выглядишь измотанной, — продолжил он, всё так же глядя в потолок, словно разговаривая сам собой. — Мир людей устроен иначе. Вы созданы, чтобы опираться друг на друга. Ваша сила — в связях. Наша сила… — он чуть отвел крыло, и перья шелестнули, — в одиночестве.

— Откуда ты так много знаешь о людях? И даже о… женских особенностях? — не удержалась я.

— Ещё до того, как стать Серафимом, я был одинок. Как и ты. Путешествовал. Жил среди смертных. Чтобы править, нужно знать все о тех, кем ты управляешь.

— Ты… притворялся одним из нас? — в моем голосе прозвучало немое изумление.

— Это был самый эффективный способ изучения.

Вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела его обдумать:

— А у тебя… были смертные женщины?

Повисла тягучая пауза.

— Почему спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Я собирал сведения из всех доступных источников, — его тон стал жестче, сталь в голосе зазвенела отчетливее. Кажется, тема закрыта.

Но я-то не была дурочкой. Конечно, была. И почему-то эта мысль обожгла изнутри чем-то острым и нелепым. «Ревность? С ума сошла, Александра. Он тебе не пара. Он — владыка. А ты — инструмент. Просто давно к тебе никто не относился по-человечески, вот душа и размякла, — сурово отчитала я себя, прекрасно понимая, что вру сама себе».

Сариэль, словно устав от моей внутренней бури, слегка приподнял крыло. Я непроизвольно скатилась ближе. Его сильная рука накрыла мою ладонь и сжала с такой неожиданной бережностью, что у меня перехватило дыхание.

— Что ты делаешь?

— Ты сама просила мою руку.

— Да, но тогда мне было физически плохо!

— А сейчас тебе плохо морально. Я чувствую смятение. Отдыхай, Александра. В вашей уязвимости — ваша сила. Засыпай.

Это был приказ. Тихий, но неоспоримый. Я слабо сжала его пальцы в ответ и уткнулась лбом в его плечо. Странно. Непостижимо. Великий Серафим, правитель бессмертных, держал меня за руку, словно отгоняя тени. Я не знала, что он чувствует в данный момент. Но в этот сложный для меня миг его холодное присутствие было… приятным.

* * *

Я открыла глаза уже в полдень. Сариэля не было. Он исчез так же бесшумно, как и появился, не оставив и следа — ни записки, ни ночного тепла на простыне. Я вздохнула, и в дверь тут же постучали.

Вошла Лили, сияя:

— Госпожа Александра! Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, уже лучше. И благодарю за то, что на столе.

— О, это не меня благодарить надо, а Серафима! Это он приказал! — Лиля всплеснула руками. — Он также велел не тревожить вас сегодня. Вы можете отдыхать.

— Надо же, как раздобрился наш владыка, — проворчала я себе под нос.

Лиля понизила голос, ее глаза заблестели от восторга:

— Госпожа, я не должна говорить, но… я видела, как он о вас заботился. Он приказал молчать о вчерашнем! Я никогда не видела, чтобы Серафим так… так трепетно кого-то опекал. Словно вы его… дочь.

Слово «дочь» вонзилось в сердце ледяной иглой. «Ясно. Конечно, дочь. А ты-то чего ждала, дура? Ему под стать богини вроде Анжелики, а не вспыльчивые смертные. Знай свое место».

Но позволять себе скатываться в уныние я не собиралась.

— Ну и славный же дедок из него вышел, — язвительно бросила я, и от этой мысли стало даже легче. — Спасибо, Лили.

Когда она ушла, я быстро переоделась и, вопреки приказу, выскользнула в коридор. Почти сразу я столкнулась с метисом Майклом.

Его красно-черные волосы были собраны в хвост, а зеленая форма подчеркивала мускулатуру. Он улыбался легко и открыто, но внутри у меня что-то насторожилось. Из прочитанного я знала: метисы когда-то были изгоями, а теперь этот Майкл стоит высоко в иерархии армий Люцифера. Такому доверять просто так нельзя.

— Александра! Куда путь держишь? — его голос звучал дружелюбно.

— В библиотеку. А ты разве не на службе у Люцифера?

— У правителей бывают перерывы, — он усмехнулся. — Проводить?

— Если не затруднит.

Мы пошли. Майкл оказался прекрасным, остроумным собеседником. Он шутил, и я невольно расслаблялась. Но где-то в глубине сознания стучало опасение.

— Майкл, — осторожно начала я. — Почему из всех бессмертных именно ты относишься ко мне… по-доброму?

Его улыбка не исчезла, но в глазах мелькнула тень.

— Когда-то с метисами обращались так же, как теперь многие обращаются со смертными. Презирали. Считали грязью. Я не забыл, каково это. Хотя, — он рассмеялся, — в твоём случае всё наоборот.

— Ну конечно, — сказала я, повторяя его же интонацию. — Только не пытайся втереться ко мне в доверие. Думаешь, я не поняла к чему эта искренность?

Он остановился и посмотрел на меня с неподдельным уважением.

— Ты гораздо умнее, чем они думают, Александра. Думаю, Тарендис еще пожалеет, что разозлил тебя.

Это была первая искренняя похвала, и она сработала лучше любой лести.

— Тебе он тоже не нравится? — спросила я уже без прежней осторожности.

— О, это тема для долгой беседы, и в более уединенном месте, — он подмигнул. — Может, я зайду к тебе как-нибудь?

Эйфория мгновенно испарилась. «Это точно ловушка. Зайду. Поболтаем. Много общего». Все они хотели втереться в доверие. Зачем? Книгу я и так перевожу».

Мой взгляд стал холодным и осторожным.

— Майкл, если уж мы с тобой так понимаем друг друга… Скажи честно: зачем тебе это? Зачем пытаться войти ко мне в доверие?

Его улыбка не дрогнула, но стала тоньше, острее.

— Ты права. Такой разговор — не для коридора. Я зайду вечером. Хорошо?

Я натянула в ответ беззаботную улыбку — ту самую, за которой удобно прятать мысли. Лучшая маска сейчас — наивность.

— Хорошо.

Он кивнул и растворился в боковом проходе. Я же, добравшись до библиотеки, наконец позволила себе выдохнуть и прислониться к стеллажу.

«Вот же сволочи, — прошептала я в тишину, полную пыли и знаний. — А я, дура, уже почти поверила, что здесь может быть что-то человеческое».

Одиночество внезапно сдавило горло, став еще более горьким и полным, чем прежде.

В библиотеке я пробыла недолго, взяла нужную книгу и направилась в свои покои. Там меня уже ждала Лили.

— Госпожа, — с лёгким поклоном начала она. — Вас пригласила к себе госпожа Анжелика. Думаю, вам будет полезно познакомиться с ней лично.

Её голос звучал тихо, будто она не желала мне этого знакомства.

— Хорошо. Куда идти?

— Только позвольте… вас немного подготовить. Я думаю, стоит выбрать подходящий наряд.

— Ты предлагаешь мне надеть одно из этих дурацких платьев? — уточнила я.

— Это было бы… Очень неплохо, госпожа, — осторожно подобрала слова Лиля. — Нужно проявить уважение к её статусу, ведь она одна из приближённых Серафима.

Я сдалась с тяжёлым вздохом.

Пока Лиля помогала мне облачиться в сложное платье и укладывала волосы, я пыталась выведать информацию.

— Лиля, а кем является Анжелика?

— Госпожа Анжелика — дочь верховного Серафима, — тихо, почти шёпотом, начала служанка. — Она должна была унаследовать его положение, но после войны… всё изменилось. Сейчас она не занимает главенствующий пост, но её влияние в цитадели велико.

— А её способности? Она воин?

— Да. Одна из её сильнейших способностей… заставлять жертву слепнуть.

— Слепнуть? Физически?

— Как бы объяснить… — Лиля замялась. — Это не физическая слепота. Ощущения… будто вас вначале погружают в абсолютную тьму, а потом заставляют вновь и вновь проживать самое болезненное воспоминание. Столько раз, сколько пожелает госпожа Анжелика.

«Удобный инструмент для пыток без следов, — холодно промелькнуло у меня в голове».

— Понятно. А что ещё мне нужно знать?

— Госпожа, мне не положено… — Лиля опустила глаза. — Её нрав… сложен. И вы, наверное, уже знаете, что она питает глубокие чувства к Серафиму.

— Это я заметила. А он? Любит её?

— Для смертных любовь — миг. Для бессмертных — вечность. Я не думаю, что господин Серафим желает делить вечность именно с ней. Их связывает нечто… иное.

— Что это значит? — прищурилась я.

— Госпожа, думаю, вам это знать необязательно, но есть определенные потребности, — Лиля окончательно замкнулась, сделав вид, что поглощена заколкой для моих волос.

Взгляд на своё отражение в зеркале заставил меня замереть. Светло-русые волосы, изящно убранные, оттеняли лицо. И на этом фоне особенно выделялись мои глаза: тёмные, болотного оттенка. В приюте меня звали «болотницей». Дразнили, пока я не научилась прятаться за колючим взглядом и не начала давать сдачи. Когда-то это прозвище ранило. Теперь оно стало частью брони.

Я разглядывала себя критически: человечные, неидеальные черты — круглое лицо, прямая переносица с едва заметной горбинкой, ничего от утончённой, выточенной красоты бессмертных. «С каких пор я оцениваю себя как товар на рынке?» Мысль была резкой, и я оборвала её почти сразу. Единственное, что мне не нравилось — бесцветные, хоть и полные губы, делавшие выражение лица болезненно-неопределённым.

— Лиля, а есть ли у вас… помада? Косметика?

Она кивнула и через мгновение принесла тушь, тени и помаду. Помада была красной. Именно такой оттенок я любила. Где-то я вычитала, что красная помада — это цвет вызова и решимости идти до конца. Сегодня он был как нельзя кстати.

Когда мы подошли к покоям Анжелики, расположенным в нижних этажах Цитадели, Лиля тихо пожелала удачи и исчезла.

Покои поражали масштабом и холодной роскошью. Просторный зал с диванами и мраморным столиком, залитый светом. В глубине виднелся вход в личные апартаменты с огромной кроватью под балдахином. «Часто ли здесь бывает Сариэль?» — мысль вползла незвано, и я тут же отогнала её. Хватит. Однократная снисходительность — не повод для иллюзий.

В центре комнаты, в кресле-троне, меня ожидала хозяйка. Анжелика. Она была ослепительна. Совершенные черты, фарфоровая кожа, темно-русые волосы. Увидев меня, она растянула губы в улыбке, которая едва не дотянулась до ее светлых, пронзительных глаз.

— Александра. Проходи, — её голос был медовым, сладким и вязким.

Я направилась в ее сторону, стараясь не спотыкаться о полы ненавистного платья. Оно, как и помада, было красного оттенка — не кричащего, а глубокого, как лепестки алых роз. И, к моему удивлению, цвет действительно делал мои зелёные глаза ярче, а волосы — светлее.

— Присаживайся, — жестом указала она на кресло напротив.

Я села, держа спину прямо, стараясь не съёжиться.

— За всё это время у нас не нашлось момента познакомиться поближе, — начала Анжелика, изучая меня тем пронзительным, холодным взглядом, который присущ хищнице.

— Думаю, знакомство со мной — не самое значимое событие в Цитадели, — парировала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— О, не скромничай! — она слегка наклонила голову, и свет сыграл в её идеальных волосах. — Ты здесь совсем одна. Должно быть, тебе страшно. Перевод древних текстов… занятие почетное, но такое одинокое. Тебе наверняка не с кем даже словом перемолвиться.

В её словах не было сочувствия. Была сладкая, ядовитая жалость, приправленная любопытством хищницы, оценивающей новую, странную дичь в своих владениях

— Даже Ирину, которую я сама выбрала для тебя, ты отвергла, — Анжелика приподняла идеальную бровь. — Не знала, что у смертных такой… странный нрав.

По её нахальной улыбке я всё поняла. Теперь мне стало ясно, откуда и невкусная еда, которую приносила Ирина, и пренебрежение Анжелики. Видимо, с тех самых пор, как Сариэль за меня заступился и стал проявлять… странное внимание, она меня возненавидела. Как в дешёвом сериале: женщина ревнует своего мужчину к другой, хотя та ни в чём не виновата.

Я не змея, конечно, но так и тянуло плюнуть ей в лицо в этот момент.

Не придумав ничего остроумнее, я лишь сладко улыбнулась:

— Ну что вы, госпожа Анжелика! Сариэль довольно часто навещает меня по делам перевода, поэтому я не чувствую себя одинокой.

Её лицо исказилось на секунду — было ощущение, будто я сунула ей в рот лимон. Однако вековая выдержка взяла своё. Она лишь холодно кивнула:

— Наш Серафим, конечно, великодушен. И, как ко всем смертным, он проявляет к вам милосердие. Ведь вы для нас словно дети. Я очень рада за тебя.

Она говорила так, словно обращалась к несмышленому ребёнку.

— О, вы правы! Наш Серафим действительно ко всем благосклонен. Думаю, даже к вам он относится с отеческой заботой, — парировала я.

«Выкуси, — промелькнула у меня в голове мысль. Нечего меня тут тыкать носом в мое положение».

Анжелика коротко рассмеялась.

— Мы с Серафимом знакомы очень давно, и, я полагаю, дело идет к браку. Я бы не хотела, чтобы в такое непростое время, накануне войны, он тратил свои силы на… смертных. Поэтому, Александра, будем откровенны: перестань докучать правителю.

Маски сброшены.

— Что ж, — я наклонила голову, — раз маски любезности сброшены, я скажу честно. Между мной и Серафимом ничего нет.

Анжелика резко рассмеялась.

— Конечно, ничего нет! Ты — жалкая смертная. Он на тебя и не взглянет. Просто ты надоедаешь ему своими просьбами, и я решила тебя предупредить.

— Как жаль, что вы меня перебили, — холодно остановила я её. — Я всё понимаю: вы влюблены в Серафима. Это прекрасно. Но вы не дослушали. Между мной и Серафимом — ничего. Но он — единственный, кто помогает мне с переводом древних текстов. Поэтому, хотите вы того или нет, мне придётся обращаться к нему с просьбами и дальше. А со своей ревностью разбирайтесь как-нибудь сами.

Я встала. Платье неприятно зашуршало. Сделав неглубокий, слегка комичный реверанс, я подняла на неё взгляд.

— А теперь, если позволите, я пойду. Перевод книги — дело действительно трудное.

Развернувшись, я вышла из её покоев, но в дверях бросила мимолётный взгляд через плечо. Её лицо перекашивалось от немой ярости. Притворив дверь, я направилась в свои апартаменты.

Зайдя внутрь, я увидела Лили.

— Лиля, что случилось? — спросила я.

— Госпожа, — она замялась. — Как бы вам сказать… Сегодня состоится Рождественский бал. Приглашены многие знатные бессмертные. И… господин Сариэль приказал подготовить и вас. Вам тоже надлежит присутствовать.

— Что? — не поняла я. — Я? Зачем? Он с ума сошёл? Что я буду делать среди бессмертных? Они и так смотрят на меня как на насекомое, а там я и вовсе растеряюсь!

— Вас будет сопровождать господин Майкл. Он сам вызвался, — щёки Лили слегка порозовели. Видимо, этот бесшабашный военачальник нашёл отклик в её сердце.

— О, блин, — простонала я, плюхнувшись на кровать. — Снова натягивать это дурацкое платье…

— О нет, госпожа! Серафим уже отправил вам наряд. У нас не так много времени, чтобы приготовиться, так что давайте начинать сейчас.

Я лишь раздраженно выдохнула. Раз приказ — значит, надо выполнять.

Я отстояла право на самостоятельную ванну и запретила Лиле даже думать о помощи. С влажными волосами я вышла к ней. Белые крылышки Лили трогательно контрастировали с нежными чертами её лица.

«Интересно, почему все бессмертные так красивы? Это издёвка богов? Смертные должны быть заурядными, а они — все как на подбор? Хотя, если вспомнить моего похитителя и Тарендиса… Не скажешь, что жизнь их пощадила. Может, первый блин комом».

Лиля помогала мне облачаться в наряд. Это было белое платье с тончайшей серебристой вышивкой, местами отливавшее нежно-голубым, и я заметила, что этот оттенок, как ни странно, гармонировал с цветом моих глаз, делая болотный чуть более светлым и загадочным. Волосы она решила оставить распущенными, собрав лишь несколько прядей сзади изящной заколкой. Платье, к счастью, не стесняло движений.

Когда приготовления были закончены, в дверях, как по заказу, появился Майкл. Его улыбка, как всегда, была до ушей.

— Александра, ты выглядишь потрясающе! — воскликнул он с непринужденной легкостью.

— Приму это как комплимент, — ответила я.

На нём был не привычный тёмно-зелёный мундир, а строгий тёмно-синий костюм военного покроя.

— Я смотрю, ты не сильно любишь менять гардероб? Просто сменил цвет формы — и готово, — усмехнулась я.

— Видишь ли, Александра, — он устроился на краю моей кровати, — военный всегда должен быть в форме. А эта, должен сказать, прекрасно подчёркивает все мои достоинства.

Я лишь покачала головой. Тем временем Лилия закончила поправлять макияж.

Майкл, который до этого с преувеличенно скучающим видом разглядывал комнату, наконец встал и галантно протянул мне руку.

— Выглядишь замечательно. Пойдём?

Я, не церемонясь, взяла его под локоть.

— Скажи, а бал проходит здесь, в Цитадели? — спросила я по дороге.

— О, нет. Бал будет в Изумрудном зале, в другом крыле.

— И до него можно дойти пешком?

— Интересно посмотреть, как ты пойдешь по воздуху? — он снова усмехнулся.

— Я дико извиняюсь, но, если ты не заметил, за моей спиной нет пары крыльев. В моём распоряжении только две ноги. И как ты планируешь меня туда доставить?

Майкл лишь рассмеялся. Когда мы вышли в ночной двор, он, без лишних церемоний, подхватил меня на руки.

— Вот как!

Легко расправив могучие крылья, он оттолкнулся от земли. Я инстинктивно вцепилась ему в шею.

— Эй! Осторожнее!

— Расслабься, смертная! Летишь как в бизнесе! — прокричал он на ухо, пока ветер бил мне в лицо, а земля стремительно уплывала из-под ног.

«Вот же я влипла», — стучало у меня в висках, пока мы взмывали в ледяное звёздное небо.

9 глава

Я буквально вцепилась в метиса во время нашего полета над бездной. Леденящий порыв ветра заставил меня зажмуриться. Когда вихрь стих, я открыла глаза и увидела приближающееся здание — не Цитадель, но не менее величественную высокую постройку с массивным куполом.

Мы приземлились у ворот, охраняемых двумя ангелами. Их суровые взгляды скользнули по нам, но, узнав Майкла, стража немного расслабилась. Внутри всё наше движение координировал Майкл: он направлял меня, мягко подталкивая под локоть, пока мы не вышли в главный зал. Это было огромное помещение с ослепительной люстрой и открытыми балконами. По сторонам стояли столы с закусками и странными напитками — голубым дымящимся зельем.

«Ну уж нет, — тут же решила я, — это точно не мой напиток, мало ли чем кончится.»

Майкл, чью руку я держала, периодически склонялся в почтительном поклоне перед встречающимися бессмертными. Те в ответ бросали на меня презрительные взгляды. Я и не думала с ними здороваться — пусть считают невежей, кланяться каждому встречному я не намерена.

Вскоре зал заполнился. В основном это были ангелы — и взрослые, и дети. «Интересно, сколько времени нужно ангелу, чтобы повзрослеть? — пронеслось у меня в голове. Наверное, если спуститься на землю, они будут стареть, как люди…»

Среди гостей я заметила знакомые лица — Карину, Тарендис и Дино. Они беседовали, держа бокалы с тем самым «алкоголем для бессмертных», как пояснил Майкл. Я наблюдала за ними украдкой. Тарендис встретился взглядом со мной, и его лицо перекосило от отвращения. Что ж, взаимно.

Майкл же пытался меня развлечь, шутил и не отходил ни на шаг.

— Александра, я понимаю, тебе не особо здесь рады, но сделай вид, будто тебе всё нравится, — легонько толкнул он меня локтем.

— Кто бы говорил, — усмехнулась я. — Ты, я смотрю, в полном восторге. Неужели все эти бессмертные тебе нравятся? И как ты здесь оказался? Ты же служишь Люциферу. Разве этот праздник не для ангелов?

— У меня бывают выходные, между прочим, — парировал он.

Внезапно в зале воцарилась тишина. Главные двери распахнулись, и властной, плавной походкой вошёл Сариэль. На нём была белоснежная форма с золотыми вставками, ремнями и пуговицами. Наряд выглядел поистине великолепно. Под руку с ним, к моему немалому удивлению, шла госпожа Анжелика в ярком платье, подчёркивавшем её статную фигуру. Её сияющий вид кричал о безмерном счастье. И, что греха таить, они действительно выглядели как король и королева.

Собрание почтительно склонилось, но Сариэль, не удостоив поклонов даже взглядом, прошёл дальше к своему месту. Только тогда зазвучала музыка, и праздник возобновился: дети пустились в хоровод, взрослые продолжили беседы.

Я же не могла отвести глаз от Серафима. Он восседал на «троне» рядом с Анжеликой и вдруг… его холодный, цепкий взгляд заскользил по толпе, кого-то выискивая. На миг мы встретились глазами. Я удивлённо приподняла бровь. Он едва кивнул и закончил поиски.

«Неужели он искал меня?» — мелькнула глупая мысль. Я отогнала её. «Разве что только для того, чтобы удостовериться, что я ничего не испортила».

— Ладно, мы с тобой не договорили, — вернулась я к Майклу. — Зачем тебе втираться ко мне в доверие? Зачем тебя ко мне подослали?

Майкл хитро улыбнулся.

— Смотрю, ты быстро меня раскусила. Неужели я такой плохой шпион?

— Что ты! Очень даже высококачественный. Но если мы с тобой, как ты сам сказал, похожи, то может — раскроешь тайну? Зачем?

Он на мгновение задумался, его взгляд стал серьёзным.

— Ладно. Только потому, что наши судьбы чем-то схожи, скажу одну вещь. Книга, которую ты переводишь — не просто важный предмет. Это единственная возможность победить в наступающей войне.

— Войне с Тёмным? — уточнила я.

— Да. Только в ней содержится знание, которое поможет его одолеть.

Он посмотрел на меня, словно пытался понять мои истинные намерения, а затем вдруг усмехнулся, по-братски положил ладонь мне на макушку и потрепал волосы.

— Не бери в голову, Александра. Тебя вряд ли обидят.

— Ну, спасибо, что успокоил, — пробормотала я, и на душе действительно стало легче. Я ответила ему лёгкой улыбкой.

Повернувшись к залу, я невольно снова встретилась взглядом с Сариэлем. Он наблюдал за нами. Его лицо было абсолютно бесстрастным, но в напряженной челюсти и застывшей позе читалась какая-то непонятная мне холодность. И почему-то мне было приятно, что от Серафима не ускользнуло, как Майкл гладил меня по голове.

— Пойдём, нужно развеяться и потанцевать, — внезапно предложил метис.

— Ты с ума сошёл? Я не умею!

— Вот и научишься, — не отступал он, уже притягивая меня к себе.

Танцевать вальс я не умела совсем и раз сто наступила бедному бессмертному на ноги. Но он героически улыбался во все тридцать два зуба. В середине танца мне вдруг стало смешно от всей нелепости происходящего, я рассмеялась, и он подхватил. Наш смех растворился в музыке, и я невольно расслабилась.

Замечтавшись, я подняла глаза на купол. Он был стеклянный, с витражами, преобладавшими сиреневым цветом. Он напомнил мне сирень у стен монастыря… Я настолько погрузилась в воспоминания, что перестала топтать ноги своему партнеру. Но вдруг на лицо упала крошка стекла. Резкий хлопок — и огромный купол начал рушиться.

Хруст, крики, паника. Бессмертные бросились к выходам. Майкл резко прижал меня к себе, закрывая своим телом. Я подняла голову и увидела кошмар. На цепях, прикреплённых к обломкам купола, висели тела и фрагменты тел бессмертных. Их покрывала странная плесень и зловещая тьма.

— О, Боже… — вырвалось у меня.

В зале материализовались фигуры в тёмных одеждах. Они безжалостно отрывали ангелам крылья, убивали на месте.

— Спрячься! В той комнате, слева! Быстро! — сжав мне плечи, закричал Майкл и бросился на самого крупного нападавшего.

Я сразу рванула к указанной двери, но чья-то железная хватка впилась в мои волосы, рывком швырнув на пол. Передо мной стоял демон с чёрными крыльями, в кожаной амуниции, с лицом, искаженным садистской гримасой.

— Что это за крыса здесь бегает? — сипло прошипел он. — Смертная? Или чья-то подстилка?

Я, отползая, нащупала за спиной тяжёлую бутылку с непонятным содержимым. Демон наступал.

— Что молчишь? Языка нет?

— Нет, — прошептала я. — Но есть ответ.

Изо всех сил я размахнулась и ударила бутылкой ему в лицо. Стекло разбилось, зелье брызнуло в глаза. Демон взвыл. Я попыталась встать, но запуталась в платье и упала на колени. Над головой взметнулась его рука для удара.

Я зажмурилась.

Я ощутила волну ослепительного жара. Вместо крика — тишина. Я открыла глаза и увидела лишь пепел, рассеивающийся в воздухе. Рядом стоял Сариэль. Его зрачки светились холодным золотом. Быстрый, оценивающий взгляд скользнул по мне в поисках возможных ран. Затем он резко протянул руку.

— Ты в порядке?

Я не могла вымолвить ни слова, дрожа мелкой дрожью.

Он, не дожидаясь ответа, схватил меня за руку и одним движением поднял на ноги. Его пальцы сжали мои плечи.

— Александра, ты меня слышишь? — он потряс меня, и в его голосе, обычно абсолютно ровном, появилась тревога. — Саша, ты слышишь меня?

— Д-да… Всё в порядке. Просто испугалась.

— Это нормально, — отрезал он, и его взгляд упал на мои трясущиеся руки. Тогда он, не говоря ни слова, притянул меня к себе, прижав ладонью к груди. — Всё кончено. Я с тобой.

Зал был пуст и усеян телами. Ужас сковал меня. Я вцепилась в его белый плащ, стараясь не смотреть по сторонам. Его рука почти машинально гладила меня по спине — медленно, но на удивление мягко.

— Ты не должна этого видеть, — тихо произнёс он, когда я попыталась повернуть голову, аккуратно удерживая мой затылок.

К нам подошёл Майкл.

— Александра, ты цела?

— Ещё бы, — холодно, со всем презрением в голосе бросил Сариэль. — Ещё минута — и у нас был бы свежий труп. Смертной.

— На неё напали, когда я сказал уходить…

— Думаешь, она бы справилась с Лионом сама? — перебил его Сариэль с пронзительной интонацией в голосе

— Мой косяк, — сдавленно признался метис.

— Доведёшь её до Цитадели без происшествий?

— Конечно.

Майкл бережно взял меня, и я, как тряпичная кукла, перешла из одних рук в другие. На прощание я взглянула на Сариэля. Он стоял отвернувшись. Резкий профиль, напряжённая челюсть, по которой бегала нервная жилка — все говорило о том, что он в ярости

По дороге в Цитадель я молчала, пока бессмертный нёс меня на себе.

— Страшно? — спросил он наконец.

— Да. Я не ожидала… Это были враги?

— Последователи Тёмного. А те бессмертные… заложники. Так он решил «поприветствовать» нас.

— Ужасно… Значит, война уже началась?

— Она началась давно. Просто не все хотят это признавать.

При прощании он ещё раз убедился, что со мной всё в порядке, и лишь после этого ушёл. Уснуть я не могла — перед глазами стояли те самые цепи и тела. Сон пришёл лишь с рассветом.

На следующее утро перевод не клеился. Решившись отвлечься, я пошла к Сариэлю, но у его кабинета услышала гневные крики. Я вошла. В центре комнаты бушевал демон с алыми крыльями — Люцифер.

— Зачем ты уничтожил Лиона?!

Сариэль сидел за столом, его поза была расслабленной, а лицо отражало ледяное спокойствие.

— Успокойся. Ты знал, что это произойдёт.

— Мы могли избежать этого! Обменяться заложниками!

Сариэль медленно поднял на него взгляд. Его голос стал тише, но от этого лишь опаснее.

— Последователи Тёмного убивали и пытали невинных. Среди них был перворождённый ангел. И ты говоришь о «сделке»?

Люцифер, не в силах продолжать, в бешенстве вылетел в окно, пообещав восстание. Деймон и Майкл, бросившие на меня неодобрительные взгляды, последовали за ним. Осталась лишь Карина. Осуждающе посмотрев на Серафима, она вышла на балкон.

Я замерла в тени у двери, но меня заметили.

— Александра, — позвал Сариэль, не отрывая глаз от карты. Его лицо было маской, а в глазах лежали тёмные тени. — Что ты хотела?

— Я… хотела спросить о книге. Но вы, кажется, заняты.

— Заходи вечером. Обсудим вопросы.

Я кивнула и уже хотела уйти, но что-то во взгляде этого всемогущего, но смертельно уставшего существа заставило меня остановиться. Мне стало жаль его.

— Сариэль… а в твоём кабинете есть комната для отдыха?

Он удивлённо посмотрел на меня.

— Есть. А что?

— Надеюсь, ты меня не прибьёшь, — тихо прошептал я. — А где?

Он молча указал на неприметную дверь. Я подошла к нему и взяла за руку. Его ладонь была огромной и прохладной.

— Пойдём.

— Что ты задумала? — в его голосе слышалось недоумение.

— Просто сделай, что я скажу. И постарайся меня не убить после этого.

В комнате отдыха были лишь диван и кресла. Я села и похлопала по месту рядом с собой.

— Иди сюда.

— Повторяю свой вопрос. Что ты задумала? Сейчас не до ребячеств.

— Садись.

Сариэль, тяжко вздохнув, но нехотя подчинился.

— А теперь… можешь убрать крылья? На время?

Он смерил меня долгим взглядом, но в следующее мгновение величественные крылья исчезли. Передо мной был просто усталый мужчина со слишком мудрыми глазами.

— Положи голову сюда, — я указала на свои колени.

Он замер. В глазах мелькнула буря: недоверие, усталость, непонимание.

— Это что за новый ритуал от смертной?

— Ритуал поддержки. Каждому он нужен. Даже великому Серафиму.

К моему удивлению, он послушно лёг, скрестив руки на груди. Я принялась медленно и ритмично гладить его белоснежные волосы. Они были неожиданно мягкими.

— Я не понимаю многих ваших законов, — тихо заговорила я. — Но если ты принял то решение — значит, иного выхода не было. Я тебе доверяю, и считаю, что ты всё сделал правильно.

Он не ответил, но постепенно его дыхание стало глубже и ровнее. Я долго сидела в одном положении, пока тяжесть его головы на коленях и тишина не сморили меня саму.

Очнулась я уже на диване, укрытая лёгким покрывалом. Сариэль, как и прежде, изучал в кабинете карты. Но лицо его уже не казалось таким измождённым, а взгляд стал чуть менее острым.

— Прости, я сама уснула, — смутилась я.

— Ничего. Я тоже немного отдохнул. Похоже это входит в привычку, — в уголке его рта дрогнуло подобие улыбки.

Я порылась в памяти, чтобы вспомнить зачем приходила вначале.

— Я, кажется, забыла, о чём хотела спросить. Соберу вопросы к вечеру.

— Хорошо. Буду ждать.

Я уже шла к двери, когда он окликнул меня.

— Александра.

— Что?

— Спасибо.

Это было сказано тихо, но с искренним теплом. Я кивнула и, уже на пороге, обернулась с внезапной мыслью.

— А почему ты всегда зовёшь меня полным именем? На балу ты назвал меня Сашей.

— Разве Александра — не твоё единственное имя?

— Так-то да… Но полное имя — для малознакомых. А мы вроде как уже знакомы.

Он отложил перо и обернулся, в его глазах заплясали искорки странного, почти озорного любопытства.

— Ты хочешь, чтобы я называл тебя «Саша»?

— Нет-нет, я не настаиваю! — залепетала я. — Просто вариант.

Его лёгкая улыбка превратилась в самую настоящую, чуть насмешливую.

— Тогда я буду звать тебя Лапка.

— Что?! — я остолбенела. — Какая ещё «Лапка»?

— Ты похожа на род кошачьих. Так же шипишь, когда злишься, и забиваешься в угол во время опасности.

— В опасности?! — возмутилась я. — А то, что на меня напал демон вчетверо больше меня — это не опасность?!

— Именно. Поэтому, — он откинулся в кресле, и его плечи слегка задрожали от беззвучного смеха, — когда будешь вести себя хорошо, будешь Лапкой. А когда влипнешь в историю — Александрой. Справедливо?

— Да ты просто издеваешься! — фыркнула я, но сердиться не могла. Он смеялся. По-настоящему.

Я вышла, делая вид, что ворчу, и, закрывая дверь, услышала его тихий смешок. Расслабленный, почти мягкий.

10 глава

Я направилась в свою комнату в хорошем настроении. На столе меня уже ждал поднос с едой от Лили, но я, не проявив к нему интереса, сразу уселась за перевод.

Открывая новые страницы, я погрузилась в текст, словно это был захватывающий роман. В ней говорилось о Создательнице, что безмерно любила своих детей и во всём им потакала. Но когда они же её и убили, гармония рухнула, а её обитель… застыла. Не замёрзла, не обратилась в камень — время просто остановилось. Точнее понять я не могла: повествование резко перескакивало на то, как Светлый Бог устанавливал свои правила, постепенно возвышаясь над остальными, и вводил свод законов, чтобы держать всех в узде.

Затем заговорили о Боге Равновесия, что держал в равновесии обе стороны — и тёмную, и светлую. При внимательном чтении становилось ясно: он был старше Светлого и Тёмного Богов. Возможно, именно он знал, как одолеть Тёмного… или мне так казалось.

Проблема была в том, что Светлый Бог заточил своих братьев и сестёр в разных местах. Но больше всего меня тронула история первого ангела, спустившегося на землю. Она не была богиней, не была сестрой — лишь первым творением Светлого Бога, созданным ещё при Создательнице. Её отправили помогать смертным, но те, узнав о её бессмертии, испугались и обошлись с ней подло. И всё же, несмотря на причинённую боль, она продолжала их любить — такова была её природа. Эта сила материнской любви восхищала меня и одновременно пугала. О такой я, никогда не планировавшая детей, могла лишь догадываться.

Как я поняла, книга делилась на три части: прошлое, настоящее и будущее. Не в силах сдержать любопытство, я открыла вторую часть, где подробно рассказывалось о Создательнице. «Возможно, мы ошибались насчёт богов, — промелькнула в голове мысль. У нас Бог — мужчина, а здесь — женщина. Именно женщина, потому что только ей подвластно давать жизнь». И свет, и тьма изначально были не богами, а сущностями, что держались в равновесии лишь благодаря ей. В книге говорилось: после смерти Создательницы должна родиться новая. Возможно, она уже родилась, но Светлый Бог её спрятал — как прятал остальных? Она среди бессмертных или среди смертных? И как её узнать?

Я уже собиралась закрыть книгу, когда взгляд упал на строку: «Создательница всегда тянулась к Тьме, ибо Тьма знала величайшее одиночество». Мысль засела в голове. Может, новую Создательницу можно распознать именно по этой тяге к темному началу? Но что значит — «тянуться к Тьме»? Тянуться к демонам, кошмарам?

Отложив книгу, я поняла, что наступил вечер. Потянувшись, я решила размяться, но наружу одной выходить было нельзя. Решение пришло мгновенно.

— Пойду к Сариэлю.

Забежав в ванную, я бросила взгляд в зеркало. До идеалов бессмертных мне далеко, но и страшной я никогда не была. Глаза… да, глаза у меня и правда были ничего, хоть в своё время их и называли «странными».

В коридорах у его кабинета царила тишина — совещания, видимо, закончились. Я постучала и, не дожидаясь ответа, юркнула внутрь.

Всё было как прежде: Сариэль сидел за столом, углубившись в карты. Он, конечно, уже знал о моём присутствии. В последнее время я стала замечать, что этот бессмертный словно видит и слышит всё повсюду.

— Александра, что-то случилось? — спросил он, не отрывая взгляда от карт. Голос был ровным, без единой нотки интереса.

— Нет. Я хотела спросить кое-что о книге…

Он ненадолго поднял на меня взгляд. Холодные, пронзительные глаза заставили меня на миг замереть. В них читалась привычная усталость — та, что, кажется, никогда его не покидала.

— Тебе нужно что-то объяснить?

Неожиданно для себя я сменила тему:

— Не хочешь прогуляться?

Он оторвал взгляд от карт, слегка наклонив голову. Жест был едва уловимым, но в нём читалось удивление.

— С чего вдруг?

— Я целый день в четырёх стенах. Мне нельзя выходить одной, а так мы прогуляемся, и я расскажу, что нового узнала из книги, — весело предложила я.

Сариэль медленно провёл рукой по шее, будто разминая затекшие мышцы. Затем встал. Движение было плавным и полным безмолвной власти.

— Идём.

Пока мы шли к саду, я вкратце пересказала прочитанное. Сариэль слушал молча, лишь изредка уточняя детали. Всё это он, разумеется, знал. Казалось, только возможность перерождения Создательницы и её связь с Тьмой задели в нём какую-то струну.

Спускаясь в сад, я думала, что он оставит меня с охраной и вернётся к делам. Но он не спешил уходить. Сложив руки за спиной, он шагал рядом со мной. Его золотистые крылья слегка шелестели на ветру.

Меня одолевало любопытство. «Каким он был раньше, до того как стал Правителем Цитадели? Всегда ли он был таким… ледяным?»

— Сариэль, — окликнула я, когда он заметил мой пристальный взгляд. — Можно тебе задать откровенный вопрос?

— Ты меня пугаешь, Александра, — ответил он, и в его голосе мелькнула едва уловимая усмешка. — То шарахаешься, то сама идёшь на сближение, то заставляешь замереть на месте.

— В хорошем смысле?

— Допустим.

— Кстати, насчет того была, — начала я осторожно. — На тебе это… отразилось?

— Это война. И такие зрелища — её обычные спутники.

— Я слышала, что было в кабинете. Ты… уничтожил того бессмертного. Он был ключевой фигурой для врагов?

Сариэль пристально посмотрел на меня, будто взвешивая, стоит ли отвечать. Его лицо оставалось непроницаемой маской.

— Да.

— Почему? Я понимаю, что детали мне не положено знать, просто…

— Война солдата — это защита своей семьи, своего дома, — перебил он меня, и голос его зазвучал твёрже. — Ты мстишь за тех, кого обидели. Война правителя иная. Моя семья — все бессмертные, доверившие мне свои жизни. Те, кого ты видела, поступили так же — они отвергли Тёмного и были за это наказаны. А теперь враг хочет, чтобы мы сели с ним за стол переговоров, — он на мгновение замолчал, и в его глазах, устремлённых куда-то в прошлое, мелькнула тень. — За свою долгую жизнь я понял одно: пусть меня ненавидят за жестокость, но не проклинают за слабость, за которой снова пришли потери. Показать, что гибель близких не была напрасной, — первое, что должен сделать правитель. И я это сделал.

В этот момент он говорил, казалось, не со мной, а с самим собой. На его обычно бесстрастном лице я впервые увидела отголосок неподъемной тяжести. Я увидела не опасного Серафима, а бессмертного, запертого в одиночестве на вершине власти. Мне тоже стало до боли знакомо это чувство — когда падать некуда, потому что за спиной пустота.

По моим щекам неожиданно потекли слёзы.

Сариэль, заметив, что я отстала, обернулся. Его глаза чуть расширились от непонимания.

— Что с тобой? — спросил он, впервые показав растерянность в голосе.

Я, замирая, выдохнула:

— Можно… тебя обнять?

Секунду он смотрел на меня с тем же холодным удивлением, а затем его взгляд смягчился — всего на долю секунды, но это было заметно. Он молча раскрыл объятия.

— Иди ко мне.

Я шагнула вперёд и уткнулась лицом в его плечо. Он притянул меня, обнял, и его крылья сомкнулись вокруг, отгораживая от всего мира. Впервые за долгое время я почувствовала себя в безопасности.

— Сариэль, — прошептала я ему в грудь.

— Ммм? — отозвался он слегка приглушенным голосом.

— Я, может, сейчас скажу глупость… Но я тебя понимаю. Мне тоже некуда падать. И я знаю, как это тяжело — всё нести одному. Я жалкая смертная, но… позволь мне иногда быть рядом. Хотя бы до того дня, когда я переведу книгу и уйду. Позволь мне чувствовать, что я хоть кому-то нужна. Хотя бы тебе.

Он не ответил. Только крепче прижал меня к себе, а его ладонь нежно легла мне на голову, сглаживая волосы.

— Хорошо, Саша, — тихо прошептал он. — Только не плачь.

Когда я успокоилась и отстранилась, он выпустил меня из объятий. Увидев следы слёз на моих щеках, он протянул руку и большим пальцем аккуратно стёр их.

— Ну и что это на тебя нашло? — спросил он, и в уголках его губ дрогнуло подобие улыбки.

— Просто увидела в тебе родственную душу, — я попыталась улыбнуться.

— Я мужчина. Я Серафим. Я тысячелетиями нёс этот груз и научен с ним справляться. Но… спасибо. За то, что захотела его разделить.

И в его холодных глазах на миг мелькнул тёплый свет.

Мы ещё немного прошли в тишине, и он, как обычно, проводил меня до комнаты. Перед тем как уйти, обернулся:

— С тобой всё в порядке?

— Да, всё хорошо.

— Здоровье? — уточнил он сухо, но я поняла намёк.

— Всё спокойно до следующего месяца.

Когда он уже взялся за ручку, я сказала:

— С Рождеством, Сариэль.

— С Рождеством, Саша, — ответил он и закрыл дверь.

Утром меня разбудили лучи солнца, ласково касавшиеся лица. Настроение было прекрасным, нервная система — спокойной. Потянувшись, я сбросила одеяло и увидела на тумбочке маленькую коробочку и письмо рядом.

Сердце ёкнуло. «Если это снова Анжелика…» Но, вскрыв конверт, я узнала почерк. Тот самый, твёрдый и безупречный почерк.

«Александра.

Ты гораздо сильнее, чем думаешь. Знаю, у смертных на Рождество дарят подарки. И хоть ты сейчас не среди смертных, думаю, эту традицию стоит поддерживать.

В коробочке — кулон. Феникс — символ возрождения из пепла. Как птица, способная воссиять ярче после огня, так и человек, сломленный жизнью, может засиять ярче любой звезды. Присмотрись: издали феникс подобен мечу, но вблизи ты увидишь силуэт женщины.

Величайшая сила — сила женщины. Ради неё покоряют страны. Благодаря ей понимают, за что сражаются.

В тебе есть эта сила, Александра. Пусть этот подарок будет тебе напоминанием.

С Рождеством, Саша.

Г.С.Э.»

Во мне взорвался салют эмоций. Как ребёнок, я схватила коробочку. На чёрном бархате лежал серебряный кулон: феникс в полёте, с расправленными крыльями. А в самом сердце — изящный силуэт женщины. Словно клинок, выкованный из самой сути жизни.

11 глава

Повесив кулон на шею, я направилась в ванную. Приведя себя в порядок, по привычке уселась за книгу. И вот что не давало мне покоя: в ней говорилось, что Светлый бог заточил не просто первых богов, но и спрятал их оружие. У каждого был свой элемент. Единственные, кто мог дать ответ, — первородные. Значит, нужно найти хоть одного. В книге говорится, что они находятся в снежной долине.

Быстро собравшись, я направилась в кабинет Сариэля. Спускаясь по пролетам, заметила, что охранники на каждом этаже при моем появлении лишь опускали глаза.

«Странно,» — мелькнула мысль, но разбираться с этим не стала.

В кабинете, как обычно, кипело совещание. Я решила не входить сразу и, отойдя в сторону, стала ждать, когда меня заметят. Сариэль замечал все — я была уверена, он уже знает о моем приходе.

Пока бессмертные спорили, я наблюдала за облаками за окном. Удивительно: дворец на летающем острове. Холодный ветер, гулявший по открытым галереям, заставил меня сжаться, прижав руки к груди.

Не успела я расслабиться в тишине, как на плечи упала тяжёлая зелёная накидка. Форма Майкла. Обернувшись, я увидела его самодовольную ухмылку.

— Александра, что ты тут делаешь? — спросил он с усмешкой.

— А разве ты не в охране у Люцифера? — подколола я.

Он шагнул ближе.

— Вообще-то, я могу быть где угодно.

— Да что ты! А Люцифер-то знает?

Майкл рассмеялся.

— Сейчас Сариэль правит всем. Ему подчиняются и ангелы, и демоны.

— Слушай, а почему демоны слушаются ангела? У вас же были какие-то разборки, — поинтересовалась я.

— Не у нас, а у них, — поправил он. — Мы, метисы, вообще ни к тем, ни к другим не относимся. Но да, это выглядит странно. Сейчас все ослаблены, поэтому вопросов не возникает.

Интересно. Получается, единственный правитель сейчас — Сариэль. Мысль об обмене бессмертными не отпускала меня. Речь шла о том, что одного пленника меняли на другого. Лиля рассказала, что сделка была между тем демоном и Вельзевулом — талантливым военачальником. Зачем же тогда Сариэль так поступил? Хоть он и говорил о мести ангелов, но… Возможно, ему просто был невыгоден сильный Вельзевул? Сейчас все преклоняются лишь перед Серафимом, а Вельзевул мог помочь Люциферу восстать.

— Вижу, ушла в мысли, — Майкл щелкнул меня по носу. — Не думай слишком много, а то быстро состаришься. У смертных жизнь — миг.

— Очень смешно. А вот взрослый бессмертный может так поступать? — я прижала к себе его накидку.

— Бывает, — засмеялся он. — Чего ждешь?

— Сариэля. Нужно спросить про книгу.

— Понятно, — протянул он.

Скоро бессмертные разошлись, и из кабинета прозвучал безэмоциональный голос.

— Александра, Майкл. Заходите.

Майкл пропустил меня вперед. Сариэль сидел за столом, погруженный в документы — рядом выросла новая стопка книг. Он даже не поднял головы.

— Майкл, подготовь отряд для выхода.

— Куда? — спросил метис.

— В Снежную долину, — бросил Сариэль, все еще не глядя на нас.

«Снежную долину? — мелькнуло у меня. Откуда он…»

Будто прочитав мысли, он поднял на меня взгляд.

— Александра, ты хочешь встретиться с одним из первородных.

— Откуда ты…?

— Майкл, ступай. Время на исходе.

Когда дверь закрылась, мы остались наедине.

— Откуда ты знал, мой вопрос? — выпалила я.

— По твоим рассуждениям я понял, что скоро ты захочешь узнать больше. Решил предупредить. Мы отправляемся на поиски. Если получится, найдем того самого первородного ангела.

— Но ее же спустили на землю, — попыталась возразить я.

— Многое изменилось с тех пор, как была написана та книга. По нашим данным, она именно там.

— Мне нужно быть с вами? — уточнила я.

Сариэль медленно поднялся и подошел к окну, скрестив руки за спиной в своей привычной позе. Он смотрел на затянутое облаками небо.

— Да. И постарайся не влипать в неприятности.

Его тон был так холоден, что на миг меня пронзила мысль: неужели это тот же Серафим, что был со мной в саду? И тут же вспомнились слова одной бессмертной: «Они могут проникать в сознание».

Теперь все стало ясно. Поэтому он все знал.

— Сариэль, — начала я, ценя честность больше всего. — Давай говорить открыто. Ты же можешь читать мое сознание, зачем тогда расспрашиваешь?

— Могу. Но мне интересно, насколько ты честна со мной, — его голос был ровным, как гладь зимнего озера.

Пазлы сложились. Долгие взгляды, то близость, то отстранённость — не симпатия. Он проверял меня. Проверял мои мысли на правдивость. Значит, не доверял. И, возможно, смерть Вельзевула была для него не просто местью, а расчётливым ходом. Он сказал правду, но лишь наполовину.

— Я понимаю, почему ты так поступил. Ты — Серафим. Но я… я тебе доверяла. Думала, ты тоже. Какая же я дура! — горько рассмеялась я.

Сариэль не дрогнул.

— Догадалась, — ответил он спокойным тоном, словно ждал этого осознания.

— Ты намеренно интересовался переводом? Тебе не нужна вся книга. Тебе нужно узнать, где оружие Создателя. Ты хочешь найти копье и убить Тёмного. Я права?

— Ты умнее, чем кажешься, Александра.

— А тебе не мерзко всех использовать?

— Я уже говорил: на моих плечах — жизни тысяч, — в его голосе впервые пробилась искра, но тут же угасла.

— Ты надеешься, что первородный ангел скажет, где копье. Поэтому я и нужна. Так?

— Думаю, не стоит растолковывать очевидное. Собирайся. В Снежной долине слишком холодно для смертных.

Меня бесила не ложь, а эта игра: тепло-холодно, притянуть-оттолкнуть.

— Знаешь, почему ты так поступаешь? — выпалила я. Сариэль повернулся ко мне вполоборота, бровь чуть приподнялась. — Ты боишься.

— Боюсь? — в его тоне прозвучало легкое, холодное недоумение. — И чего же?

— Ты боишься сближаться. Говоришь, что близкие — слабость. Тогда почему ты то принимаешь меня, то отталкиваешь? Я же вижу: ты проверяешь меня, ищешь слабые места. Боишься, что я стану твоей слабостью? — проговорила я со злостью, уже зная ответ.

Сариэль посмотрел на меня серьезно, почти безжалостно. Я отвела взгляд.

— Ты действительно интересная девушка, Александра. Неужели ты думаешь, что у бессмертного со смертной может что-то быть? Это возможно, конечно. Но не у меня с тобой. Ты юна и многого не понимаешь. Грань нужно было определить с самого начала.

— Только не надо опять … — перебила я его, развернулась и вышла.

Внутри все скребло кошками. Слезы подступали, но я сжала кулаки. Нет. Не из-за этого высокомерного идиота.

В комнате меня ждала Лиля, она помогла мне одеться в теплую одежду. Выйдя, я увидела отряд у конца коридора. Во главе — Сариэль в другой, более плотной форме. Рядом — Майкл. Заметив меня, он ухмыльнулся.

— Полетишь со мной, Александра.

Я лишь кивнула, настроения для шуток не было. Сариэль что-то изучал на карте, затем отдал приказ: «Отправляемся».

Спускаясь, я спотыкалась из-за неудобной одежды. Майкл ловил и ставил меня на ноги, не забывая пошутить о моей «грации». Внизу он легко подхватил меня на руки. Я обвила его шею, и мы шагнули в черный, мерцающий портал.

Резкий холод ударил в лицо. Вьюга, колючий снег. Я закуталась в шарф. Мы были в лесу, среди могучих сосен и елей.

— Мы на земле? — крикнула я Майклу через вой ветра.

— Нет! Это Снежная долина. Здесь всегда зима, хоть и напоминает землю.

Это напомнило мне детство у бабушки: тот же зимний лес, то же ощущение чуда… Я засмотрелась и едва не отстала. Отряд неотступно шёл за Сариэлем. Я проваливалась в снег по колено, а бессмертные ступали почти без следов.

— Почему вы не проваливаетесь? — возмутилась я, вытаскивая ногу из сугроба. — Я же должна быть легче!

— Плюсы силы и крыльев, — рассмеялся Майкл. — Смотри, некоторым ангелам тоже нелегко.

— Ой, да ну тебя! — я снова застряла. — Майкл, помоги!

Он, усмехаясь, вытащил меня, как перышко.

— Что, отъелась в Цитадели, Александра?

— Ха-ха, очень смешно, шутник. Доставай уже.

— Ого, командный голосок появился. Еще чуть-чуть, и начнешь приказывать.

В конце концов, он просто протянул руку, и я, вцепившись в его локоть, пошла, иногда повисая на нем. Его сила меня поражала.

Сариэль временами бросал на нас беглые, оценивающие взгляды — проверял, не отстал ли его «ценный инструмент».

Мы вышли на открытое пространство, к подножию огромной, покрытой льдом скалы. В груди что-то сжалось от необъяснимого страха. Она здесь.

Нас оставили с частью отряда снаружи. Сариэль, Майкл и двое других бессмертных скрылись внутри. Через некоторое время они вернулись ни с чем.

— Возможно, ее уже забрали, — предположил Майкл.

— Возможно, — холодно согласился Сариэль. — Это плохо. Нужно обыскать периметр.

Отряд разделился. Я, прислонившись к сосне, смотрела на ее заснеженную макушку. От холода губы посинели, а веки начали слипаться. Вдруг на моей щеке появилось тепло чьей-то руки.

Не глядя, я отшвырнула ее.

— Не нужно.

Передо мной стоял Сариэль. Его лицо было высокомерным и отстраненным.

— Ты замерзла. Смертным, особенно девушкам, нельзя так долго быть на холоде.

— Хватит строить из себя заботливого. К инструментам так не относятся, — ядовито бросила я.

Он лишь вздохнул, словно я была глупым ребёнком. Но вдруг резко замер, его осанка стала еще жестче.

— Всем, кроме Александры, — отступать. Собрать отряд и через портал — в Цитадель. Немедленно.

Солдаты замерли в непонимании.

— Идут приспешники Тёмного. Их цель — мы с Александрой. Приказ ясен? — его голос стал тише, но от этого лишь страшнее.

Я не успела ничего понять, как вдалеке, сквозь снежную пелену, показались темные, искаженные силуэты, стремительно приближающиеся в нашу сторону.

— Эй! Мы так не договаривались! — закричала я, подбегая к Сариэлю. — Разбирайтесь со своими проблемами сами! Меня в это втягивать не надо!

— Не бойся, тебя не тронут, — его голос был спокоен, как будто он говорил о погоде.

— Да, конечно! Отправь меня, а сам оставайся героем! — выпалила я и тут же куснула себя за язык.

Не успела я моргнуть, как с неба спикировали два демона. Их крылья, похожие на исковерканные перепонки летучей мыши, едва удерживали их в бушующем ветре. Один взмах — и золотые нити, сверкнув, опутали крылья Сариэля и стянули их за спиной. Серафим даже не дрогнул. Не попытался вырваться. Стоял неподвижно, как статуя.

Второй демон, оскалившись, медленно опустился перед нами.

— Какая удача, — прошипел он, облизываясь. — Сам Серафим… и какая-то жалкая смертная. Хозяин будет очень доволен.

* * *

«Нет, Сашечка, ну как же ты могла так влипнуть?» — мысленно выла я, уже который час оттирая кожу после нашего пленения.

И, прошу заметить, главный Серафим даже пальцем не пошевелил, чтобы нас спасти. Демоны хотели доставить нас к своему хозяину, но из-за разыгравшейся снежной бури полет и открытие портала стали невозможны. Вместо этого они приволокли нас в какую-то глушь, в маленькую избушку. Возможно, охотничью, если у бессмертных вообще бывают охотники. И бросили в сырой, промозглый подвал.

И всё это в присутствии Его Ледяного Высочества. Почему нельзя было дать отпор?!

Сариэль, прислонившись к стене, прикрыл глаза и казался абсолютно спокойным.

— Александра, перестань шуметь. Это бесполезно.

— А что полезно?! Сидеть и спать? — прошипела я. — Почему нельзя было отправить меня с остальными? Зачем тащить с собой в подвал? Если у тебя мазохистские наклонности, оставь их при себе!

— Я думал, в наших отношениях мазохистом являешься только ты, — беззвучно выдохнул он, даже не взглянув.

— Каких ещё наших?!

— А отношения тебя не смутили?

— Если ты забыл, мы здесь из-за твоей гениальной идеи! Боже, ну почему именно я во всё это вляпалась?!

— Ты повторяешь эту фразу тридцать восьмой раз за последний час.

— Умничай-умничай! — огрызнулась я. Видимо, от холода инстинкт самосохранения отключился.

С тяжелым вздохом я плюхнулась на пол рядом, обхватив колени. Его ледяное спокойствие бесило до дрожи. Его золотые крылья, хоть и стянутые мерцающими нитями, казалось, лишь томно отдыхали.

Через некоторое время Сариэль и вовсе лег на пол, расслабившись, будто был на перине.

— Ты серьёзно собрался спать? — не поверила я.

— А что ты предлагаешь? Сидеть и ждать? Нас всё равно отведут к Тёмному. Лучше экономить силы, — его голос был плоским, как поверхность льда.

— Капец, — выдохнула я.

Собираясь отползти подальше, я услышала:

— Ложись на крыло.

— Чего ещё? Я с тобой не то что рядом — в одной вселенной находиться не хочу!

— Александра, ты можешь устраивать детские истерики сколько угодно. Но я повторяю: смертным, особенно девушкам, нельзя долго лежать на холоде. Последствия будут… неприятными.

— Ой, какой заботливый! Прямо-таки юный гинеколог в снежном плену! — почти рыча от бешенства выдала я.

Но пол был ледяным и твёрдым, как камень. Я поняла, что не усну ни на минуту, а только продрогну до костей. Плюнув на гордость, я шлёпнулась на большое крыло Сариэля, которое он опустил на пол.

«Плевать, удобно ему или нет», — бросила я мысленный вызов и, съёжившись, попыталась заснуть.

Ночью стало ещё холоднее. Я вся сжалась в комок, пытаясь согреться, как вдруг почувствовала движение. Сариэль, не говоря ни слова, повернулся на бок. Он притянул меня к себе, спиной к груди, и накрыл вторым крылом, огромным и невероятно тёплым, как одеяло. Я оказалась в ловушке из рук, тела и перьев.

Сначала я хотела вырваться, но волна тепла, накрывшая меня, и накопившаяся усталость были сильнее. Сон навалился тяжёлым комком. По-детски уцепившись в полусне за его ладонь, я провалилась в темноту.

12 глава

Не знаю, как мы пережили эту ночь. Во сне я искала тепла. Придвигалась к Сариэлю. Он касался моей спины. Тяжёлая ладонь. Лёгкое поглаживание. Не успокоение. Факт: я здесь. Ты в безопасности. Я принимала это.

Мой сон разорвал не стук, а грохот, от которого содрогнулись стены.

Я вскочила, сердце колотилось о ребра. Дверь была цела. Резко обернулась к Сариэлю. Он лежал с закрытыми глазами, но поза выдавала не спящего, а притворяющегося.

— Ты слышал? — прошептала я.

Сариэль медленно, как будто нехотя, открыл глаза. Взгляд был абсолютно ясным.

— Собирайся. За нами вернулись.

— Чего? — не поняла я.

Подняться я не успела. Дверь с треском распахнулась, и на пороге возник Дино. Увидев меня рядом с Сариэлем, он округлил глаза.

— Смертная? А ты что здесь…

— Нашли перворожденную? — ровным, режущим как лед голосом перебил его Сариэль, не дав договорить. Он быстро поднялся со своего каменного ложа.

— Да. Они недалеко ее увели. Успели перехватить, как ты и приказывал. Хотели ублажить хозяина — отдать не только Перворожденную, но и самого Серафима. Извини, что так поздно.

— Ничего. Это того стоило.

И только сейчас до меня стал доходить смысл сказанного.

— То есть… ты нарочно позволил нам угодить в ловушку? — голос дрогнул, но внутри уже закипала ярость. — Чтобы отвлечь их на себя, пока твои люди выручали Перворождённую? Погоди…

Я повернулась к Сариэлю. Злость, горькая и жгучая, подступала к горлу.

— Ты знал. Ты специально все подстроил. Специально заставил меня ночевать в этом ледяном аду… — слова вырывались сдавленно, с каждым новым осознанием набирая силу.

Дино, не ожидавший такой реакции, попытался улыбнуться. Но мой взгляд был прикован к Сариэлю. Его лицо оставалось непроницаемой маской. Всё такой же холодный, оценивающий взгляд. Без тени раскаяния или волнения.

— Зачем? Чтобы, отвлекаясь на нас, поймать Перворожденную? — ярость захлестнула меня окончательно. — Я что, кукла в твоих глазах? Захотел — привез сюда, захотел — бросил в подвал! Зачем я вообще была нужна? Или я просто расходный материал?

Сариэль ничего не говорил, давая мне выговориться. Его молчание было хуже любых упреков.

— Я только сейчас поняла, — голос сорвался в шёпот, полный горечи. Я держалась, старалась быть сильной. Но боялась. И забыла главное: Тёмный Бог не пощадит никого. Мне нужно быть осторожнее.

— По-моему, ты как раз это осознала, — наконец произнес Сариэль. Его тон был спокоен. — Дино, иди наверх. Мы догоним.

Тот, не споря, поклонился и удалился. Я же продолжала смотреть на Серафима — теперь уже с ледяной, тихой ненавистью.

— Осознала. Что ты снова поступил так, как выгодно тебе. Я все понимаю: ты Серафим, ты здесь главный. Но зачем было подвергать мою жизнь лишнему риску? Зачем эта игра?

— Риску? — он произнес это слово тихо, но так, что по коже пробежали мурашки. — А когда ты спускаешься в логово бессмертных, когда ввязываешься в перепалки, на которые

у тебя нет ни сил, ни прав, — ты о риске думаешь вообще? Ты сама лезешь в пасть к смерти, Александра. А сейчас возмущаешься, что я повел тебя известной мне тропой.

— Но на тот риск я шла сама! А здесь ты использовал меня как пешку!

— Александра, — его голос стал резче, в нем впервые прозвучала сталь нетерпения, — ты ведешь себя как капризный ребенок. Сколько раз я тебя предупреждал, и сколько раз ты меня слушала? Мир бессмертных — это война. Единственная ценность здесь — та книга, что ты переводишь. Зачем мне вновь и вновь доказывать тебе эту простую истину?

Я не нашла что ответить. Он не спорил, он констатировал.

— Надеюсь, сегодняшний урок пошел тебе на пользу, — холодно, словно вынося окончательный приговор, заключил он.

В душе скребли кошки. Меня вновь поставили на место. «Я, дура, хотела доверять, хотела быть ближе… Какая же я наивная! Меня все всегда предавали. Даже мать… Что уж говорить о бессмертном, видевшем тысячи жизней?»

Стиснув зубы, я подняла на него взгляд.

— Всё. Я больше не стану тебе помогать, Сариэль. Наша сделка была простой: я перевожу — вы обеспечиваете безопасность. Вы свою часть нарушили. Делайте что хотите — хоть в темницу сажайте, — голос дрожал от бессильной ярости, — но я больше не притронусь ни к одной странице из этой книги.

Сариэль медленно, словно изучая новую, неожиданную помеху, оглядел меня с ног до головы.

— И что ты будешь делать, Саша? Что ты можешь противопоставить воле бессмертных? Ты даже не представляешь, как здесь могут пытать.

Мой взгляд упал на старый деревянный одинокий стул в углу. В тот момент он стал олицетворением моего отчаяния и бунта.

— Нет, дорогой Серафим, я вам так просто не достанусь!

Я схватила стул и изо всех сил швырнула его в Сариэля, а сама рванула к выходу. В воздухе запахло гарью — стул даже не долетел до него, вспыхнув жёлтым пламенем и превратившись в горстку пепла. Преграды не получилось.

Выбежав наверх, я увидела солдат. Среди них Дино и связанные пленники — те, кто нас захватил. Рассматривать было некогда. Я рванула в лес, в чащу, под сень узких деревьев, где бессмертным не развернуть крылья. За спиной слышались шаги, но через мгновение стихли. Обернуться я не посмела.

Я бежала. Бежала от них, от его холодного расчета, от собственной глупости. Снег хлопьями садился на лицо, смешиваясь с предательски горячими слезами. Обида, которую я глушила все это время, вырвалась наружу. Спортивный костюм промок, тело знобило, но я гнала себя дальше, пока в груди не стало колоть, а ноги не подкосились.

Я рухнула в снег на колени и закрыла лицо руками. Рыдания рвали меня изнутри. Боль одиночества, предательства, чувство, что я — вечная пешка в чужих играх… «Почему для всех я лишь помеха или инструмент? Почему никто… Почему даже ради минутной безопасности нельзя было поступить иначе?»

Я не знала, сколько времени рыдала. Но в какой-то момент снег на мне перестал таять. А потом на плечи упал тяжелый, теплый меховой плащ.

Я знала, кто это. И мне было все равно.

Я продолжала рыдать, теперь уже от осознания собственной слабости, выставленной напоказ. Сквозь слезы я увидела, как передо мной, не брезгуя снегом, опустился на колени Сариэль. Он молча протянул руки и в следующее мгновение притянул меня к себе, одной ладонью прижимая затылок к своему плечу.

Я уткнулась в складки его одежды и ревела, а он… он просто держал меня, изредка проводя рукой по моим волосам. Без слов. Без утешений. Только тихая, необъяснимая твердость объятий.

Когда слезы иссякли, остались лишь пустота и стыд. Сариэль мягко отстранился, внимательно всмотрелся в мое опухшее лицо, а затем, не спрашивая, поднял меня на руки.

Куда? Какая разница. Я обвила его шею и спрятала лицо, чувствуя себя потерянным ребенком, которого нашли и несут домой. Домой? Разве у меня он есть? Может, он несет меня в ту самую темницу?

Но он нес меня бережно, временами проводя большим пальцем по спине сквозь ткань плаща. Когда мы взлетели, он защищал меня от ветра крылом. И так же осторожно приземлился в Цитадели. В моей комнате было темно, пахло воском — видимо, Лиля приходила.

Он уложил меня на кровать, поправил покрывало, и снова провел рукой по волосам. В его прикосновениях была странная, несвойственная ему нежность.

В этот момент дверь распахнулась.

— Господин! — я услышала голос дедушки Ли. — Что случилось? Вы сказали…

— Тише, — прервал его Сариэль почти шепотом. Только тогда старый лекарь заметил меня.

— С Александрой что-то? — голос его стал гораздо тише.

— Нет. Спит. Но я хочу, чтобы ты ее осмотрел, когда проснется.

— Прошу прощения, господин, но… энергия девушки стабильна. Думаю, это просто нервное потрясение. Отдых ей поможет.

— Не хотелось бы, чтобы это сказалось на ее здоровье, — проговорил Сариэль, и в его голосе прозвучала несвойственная ему озабоченность.

Наступила пауза.

— Господин… извините за прямоту, — тихо начал дедушка Ли. — Но эта девушка… она вам дорога?

Сариэль замолчал. Его пальцы снова легли на мои волосы.

— Не знаю, Ли, — ответил он наконец. И это было не то «не знаю», за которым прячется равнодушие, а то, в котором слышится растерянность. — Просто… мне её жаль. Я хочу о ней заботиться. Сам не понимаю почему. Она такая же маленькая, как моя сестра. Иногда я думаю, что чем-то даже похожа.

— Похожа на сестру? — в голосе лекаря прозвучала мягкая усмешка. — Господин, простите старого дурака, но это похоже на нечто большее.

— Что? — голос Сариэля вновь стал ледяным.

— Эх, господин… я знаю вас с тех пор, как вы были мальчишкой. После гибели сестры вы закрылись ото всех. Я уже боялся, что вы так и останетесь в этой вечной стуже.

— Не много ли ты себе позволяешь?

— Простите, Серафим. Но кто, кроме меня, скажет вам правду? Вы ухаживаете за ней, защищаете, ищете ее общества… Может, вы видите в ней куда больше, чем просто отголосок сестры.

— Она смертная, Ли. А я — Серафим. Или ты увидел в предсказаниях?

— Вы оба одиноки. Вы оба несете раны, которые никто другой не поймет. Два сломленных сердца порой могут стать опорой друг для друга.

— Быть со мной — значит вечно жить под угрозой. Через нее мной могут манипулировать. Я не могу рисковать судьбой ордена ради… — он запнулся.

— Вы оттягиваете то, что уже происходит, господин. Дайте себе шанс. И ей. Пусть ее жизнь, даже если она коротка, будет счастливой.

В комнате повисла тишина. Я уже подумала, что придется «просыпаться», чтобы их вышвырнуть. Но Сариэль поднялся раньше и направился к двери. За ним проследовал и Дедушка Ли. Когда я осталась одна, мысли водили хоровод.

13 глава

Дни после того разговора текли по-новому. Не легче — просто иначе. Острая боль в душе ушла, оставив после себя неожиданную ясность. Ту самую, что приходит, когда принимаешь горькую, но неизбежную истину. Я сидела в комнате, глядя на каменную стену, и складывала факты в трезвую, безрадостную картину. Будь у меня цветные стикеры и доска, это походило бы на подготовку к докладу «Как не умереть в Цитадели магических социопатов». Но стикеров не было. Приходилось крутить всё в голове.

Факт первый: я здесь на птичьих правах. Пока полезна — жива. Перестану быть полезной — меня вышвырнут к тем, кто разорвёт на части, или, что хуже, Серафим избавится от меня сам, как от отработанного материала. «В лучшем случае, — подумала я, — мне дадут волшебный пинок под зад и отправят восвояси. В худшем — пинок будет не волшебным, а вполне себе физическим, и направлен он будет в бездну. Или в пасть к самому Тёмному Богу. Вариант „превратят в библиотечную пыль“ тоже не стоит сбрасывать со счетов».

Факт второй: Сариэль — единственная реальная сила в этой Цитадели. Его слово — закон. Его благосклонность — щит. Его интерес — пропуск в завтрашний день. «По сути, он — ходячая, очень красивая и раздражающе умная охранная грамота, — констатировала я. — С крыльями и комплексом бога».

Факт третий: он показал, что способен на снисхождение в некоторых моментах. Способен на что-то, отдаленно напоминающее заботу. Холодную, практичную, но заботу. Он заметил мою слабость и не использовал ее против меня. А дал передышку. «Что, конечно, ставит передо мной интересную дилемму: либо у него есть зачатки эмпатии, либо он просто очень бережно относится к рабочим инструментам, как хороший хирург к скальпелям. Я, пожалуй, пока буду исходить из второго варианта. Меньше разочарований».

Мозг, привыкший анализировать тексты, начал анализировать ситуацию. Если я хочу выжить, мне нужен не просто временный статус «переводчика». Мне нужна принадлежность. Не к проекту, а к нему. Личная связь. Гарантия.

Мысль пришла не как озарение, а как следующий логический шаг — в ужасной, но чёткой формуле.

Наложница. Или как они это называют.

Слово повисло в тихом воздухе комнаты. «Звучит, конечно, как должность из плохого исторического романа, — поморщилась я. — Наложница Его Ледяного Величества, ответственная за переводы и… э-э-э… прочее. В резюме такое, конечно, не впишешь. Зато в справке о занятости будет стоять „под личной защитой Серафима“. Уже лучше, чем просто инструмент».

Я встала и начала медленно ходить из угла в угол, разминая онемевшие от долгого сидения мышцы. «Ну что ж, Алекс, — сказала я себе мысленно. — Раз уж ты влипла в эту средневековую магическую яму с наглыми бессмертными и их комплексами, давай мыслить соответствующе. Выживание по-цитадельски. Урок первый: привязка к альфа-особи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.